

Ф. А. РЯЗАНОВСКИЙ.

КРЕСТЬЯНЕ

Галичской вотчины Мещериновых
в XVII и первой половине XVIII века.

Печатано в типо-
графии Промкомбината
при Галичском УИК'е. Гор.
Галич, Костромской губернии
ул. Дуначарского дом № 1
в количестве 1000 экз.
Гублит № 385.

Крестьяне Галичской вотчины Мещериновых в XVII и первой половине XVIII века.

1. „Архив Мещеринова“.

В 1657 году староста вотчины вдовы Ирины Шав Кондратий Кирилов, сдавая должность новому старосте Власу Тимофееву, дал ему следующую отписку: „166 года декабря в 10 день оддал прошлой староста Кондратей Кирилов от себя государевых платежных отписей Галицких новому старосте Власу Тимофееву дватцеть отписей и з городными и кои были взяты у Давыда Васильева и у Офонасья Гаврилова. Да оддал ему ж, Власу, государевы грамоты—несудимую и в ямских деньгах и в стрелецких“¹⁾. Точно также, конечно, и другие вотчинные старосты—до и после Кондратя Кирилова,—уходя со „старощанья“, передавали своим преемникам имевшиеся у них на руках документы, касавшиеся вотчины, хотя других данных, подобных приведенной отписи, в наших руках и нет. Поступать так, т. е. бережно хранить вотчинный документ, заставлял прямой интерес: отписи в приеме разных сборов старосты „являли“ в присутственные места приказным людям, о чем свидетельствуют пометы на них, вроде: „191 года февраля во 8 день ся отпись в Галиче в книгу записана“²⁾ или: „1704 года декабря в 24 день с сей отписи и с ыных списки взяты и подлинныя явлены в Парфеньеве на съездем дворе у правянта Ивана Мартьяновича Гюлохвостова“³⁾ или просто: „отпись клали“⁴⁾. В случае утраты отписи вотчине грозила опасность вновь платить уже уплаченный сбор. Вот почему, когда в 1693 году сгорела отпись 1687 г. в приеме запросного хлеба, староста Корнилко Савостьянов бил челом о выдаче ему новой отписи „впредь для очиски“, и ему была выдана, по справке в приказе сбору стрелецкого хлеба, что за Мясницкими вороты, выпись из приходной запросной книги⁵⁾. То же нужно сказать и о государевых грамотах, касавшихся льгот по уплате сборов или неподсудности местному воеводе.

¹⁾ Архив Мещеринова, № 58. По техническим условиям, как в настоящей цитате, так и в последующих, транскрипция текста не может быть передана вполне согласно с правилами издания др. русских актов. ²⁾ Архив Мещеринова, № 143. В дальнейшем будет указываться в цитатах лишь № документа без указания на архив Мещеринова. ³⁾ № 257. ⁴⁾ № 177. ⁵⁾ № 200. В своей челобитной староста пишет: «И ныне.. Парфеньевской воевода той выписанной отписи у них спрашивает, а тот де запросной хлеб 195 году у них плачен и в книгу записан».

Так положено было начало вотчинному архиву деревни Бухарина, который первоначально состоял из одних платежных отписей с присоединением к ним небольшого числа государевых грамот (в списках) и некоторых случайных частных актов.

С 1707 года мы видим в деревне Бухарине постоянно действующее учреждение—Бухаринскую Схожую Избу, орган вотчинного управления, мирского самоуправления и суда. Сюда поступали „боярские указы“ о сборе и доставке оброка и о приемах управления вотчиной. Здесь писались „доношения“ („отписки“) вотчинных властей при отправке оброка. Отсюда выходили челобитья, как от всей вотчины, так и от отдельных крестьян, с жалобами на разные обиды и возвращались сюда, если не заслушивались предварительно в Схожей Избе, „подписными“, т. е. с резолюцией помещика. Постановления мирского схода облекались здесь в форму приговора, который составлял земский дьячек, а подписывали по всех мирских людей прошенью один или два целовальника. Здесь же по определенному порядку судопроизводства разбирались различные тяжбы между отдельными крестьянами, облекаясь в форму судного дела с приговором. Здесь происходили выборы изблюбленных окладчиков, которые и объявляли миру свой оклад в письменной форме. Здесь производился учет старост, сменявшихся чуть не ежегодно, мирскими счетчиками; о чем и составлялся иногда акт. Сюда же поступили и все платежные отписи и другие документы, как бережно накопленные за XVII век, так и новые. Таким образом состав вотчинного архива в XVIII веке определился следующий: платежные отписи и квитанции, государевы грамоты, боярские указы, доношения (черные), мирские приговоры, челобитья, судные дела, окладные и пр., к которым пристало несколько частных актов: заемных памятей, духовных и „писем“ в поставках. Все это складывалось в „мирскую коробью“¹⁾ „впредь для ведома“ в определенном порядке, чтоб можно было найти, о чем говорят пометы на обороте некоторых документов вроде: „отписи сухарные и корабельные и гривенные“²⁾, „боярские указы разных годов“³⁾, „Дело Исака Иванова“⁴⁾ и т. п.

Но, кроме дел, в Бухаринской Схожей Избе были и книги. Так в одном боярском указе указано: „и сей мой указ записать в настольную книгу“⁵⁾. О существовании этого настольного реестра говорят и пометы на боярских указах, напр.: „1720-го году подал сей указ ходок Гурей Перфильев октября в день“⁶⁾ или: „1739 г. октября в 30 день положил сей господской указ выборной Лукей Савельев во схожей избе старосте и миру“⁷⁾ и под. В 1717 г. указано было созвать сход и счесть прежних старост „по книгам и отписям солдатским“⁸⁾. В 1747 г. старост считали по *приходным* и *расходным* книгам⁹⁾. Были и другие книги: так под 1753 г. названы „старая книга, что на ком было боярского оброку, и *поручинная*“¹⁰⁾. Но все они не дошли до нас, так как в практике Бухаринской Схожей Избы было давать их на руки в крестьянские избы, где они с течением времени, конечно, и пропали.

¹⁾ № 408, л. 3, об.; ср. № 559. ²⁾ № 119. ³⁾ Там же. ⁴⁾ № 408. ⁵⁾ № 345. ⁶⁾ № 352. ⁷⁾ № 445. ⁸⁾ № 529. ⁹⁾ № 489. ¹⁰⁾ № 516.

Так в одном обрывке мы находим такую помету: „вторые книги старосты Кирила Емельянова ¹⁾ отыскать у Исака Гурьева. Книги запечатанные отыскать же... Старосты Михаила Пахомова ²⁾ бытности ево книги считаные и не считаные лежат у Ивана Тарасова“ ³⁾.

Как и всякое учреждение с определенной компетенцией, Схожая Изба должна была иметь свою печать. И, действительно, у выборного вотчины была печать („знамя“), которую он и посылал вместо себя, когда не мог явиться лично, при чем крестьяне вотчины не обнаруживали к ней иногда ни малейшего уважения ⁴⁾.

По неизвестным нам причинам в начале второй половины XVIII века Схожая Изба в Бухарине перестала функционировать. Но „мирская коробья“ благополучно пролежала до конца XIX века, когда и поступила в Костромскую Ученую Архивную Комиссию ⁵⁾. В 1898 г. председатель Костромской Архивной Комиссии Н. Селифонтов, после осмотра деревянного храма в селе Березниках, Нерехтского уезда, посетил с. Писцово для осмотра местных храмов, где учитель 2-классного училища М. Н. Просвещения П. А. Гребенщиков преподнес для К. У. А. Комиссии „рукопись XVII в.“. Этот документ был найден в разрушенном хлебном магазине в д. Бухарине, Николоширской волости, Кологривского уезда, и оказался списком с отписи Галичского воеводы Василья Грязново в приеме ямских денег с крестьян иноземца Якова Шава от 3 июня 1644 г ⁶⁾. Очевидно, зимою того же 1898 г. был разыскан и доставлен в Архивную Комиссию и весь архив Бухаринской Схожей Избы ⁷⁾. Этот архив был принят за фамильный архив и назван „архив генерал-адъютанта Григория Васильевича Мещеринова“, как гласит надпись на картонном коробе архива. Тогда же 2 января 1899 г. Г. В. Мещеринов, состоявший почетным членом К. У. А. Комиссии с 12 июля 1896 г., прислал в Архивную Комиссию родословную „роспись рода Мещериновых“, приобретенную, по резолюции Н. Селифонтова, к нашему архиву ⁸⁾. В это же время, вероятно, приступлено было к подготовке к изданию „архива Мещеринова“, подобного изданию Линевского или Долматовского архива, которая велась, судя по почерку, под руководством И. Д. Преображенского. Работа эта, однако, велась неудовлетворительно и далеко не была окончена. В 1920 г. к обработке „архива Мещеринова“ приступил, было, С. В. Фрязинов, но отказался от этого.

Получив в ноябре 1923 г. „архив Мещеринова“ для своих занятий, я предварительно должен был выполнить работу архивариуса и архивиста, пугавшую моих предшественников: расправить свитки XVII и документы XVIII в., свернутые также в трубочку, обложить каждый документ сорочкой из белой бумаги, затем по прочтении карандашом на бумажной сорочке датировать и озаглавить каждый документ с указанием, от кого он исходит,

¹⁾ 1733 г. ²⁾ 1751—1753 г. ³⁾ № 559. ⁴⁾ № 408, л. 3 об, 4, 5. Шесть подобных вотчинных печатей с гербами владельцев имеются в коллекции Костромского Музея местного края. ⁵⁾ К сожалению, без короба. ⁶⁾ № 33. Журнал засед. К. У. А. Комиссии от 23 сент. 1898 г., стр. 2. ⁷⁾ Следов этого в журналах и отчетах А. Комиссии за 1896—1900 г., печатавшихся в К. Губ. Ведомостях, нам, однако, не удалось найти. ⁸⁾ № 560.

к кому направляется и предмета его содержания. При этом документы других собраний, случайно попавшие в короб, были выделены. Затем документы были расположены в хронологическом порядке, перенумерованы, и по карандашной черновой описи на бумажных сорочках была составлена беловая их опись, точнее каталог. Всего оказалось 564 №№, включая всякую „чернь“. Недатированные документы XVIII в. с 527 № были подложены к концу описи. Затем, при вторичном чтении архива, были составлены к нему указатели географический и именной—сначала начерно на карточках, а затем переписаны и набело. При третьем чтении были сделаны выписи из некоторых документов, а некоторые были списаны и целиком. При изучении содержания архива почти все недатированные документы удалось точно датировать: так упоминание старост, которые менялись каждый год, давало возможность безошибочно относить недатированный документ к определенному году; в других случаях помогало содержание документа по сопоставлению с предшествующими датированными. Вся эта предварительная работа отняла достаточно много времени. Нельзя сказать, чтоб составленная мною опись была без недочетов, но она давала уже возможность работать с архивом и право его цитировать.

Географический район, к которому относится наш архив,—это Парфеньевская Окологородная волость, Парфеньевской осады, Галичского уезда, точнее та ее часть, которая расположена в углу, образуемом течением реки Нендохты (Нендовки), при впадении ее в реку Нею (приток Унжи), и которая входит ныне в состав Николо-Ширской волости, Кологривского уезда, Костромской губ. Здесь по течению реки Нендохты и отчасти по реке Нее расположен ряд деревень и починков: Бараново, Бухарино, Горшково, Зимнево, Креньково, Лепешкино, Митенино, Церестаронино, Своротилово, Якушево и др. и села Никола-Ширь и выше Ефремий-Ширь. Местность здесь слегка волниста, так как она перерезывается грядами Северных Увалов. Между холмами открываются глубокие живописные долины, покрытые зеленым ковром лугов. Хотя слово „Ширь“, повидимому, не более, как испорченное „Ефремий Сирин“, но оно метко передает общее впечатление характера местности—впечатление широкого простора. Сторона здесь лесистая, настоящий медвежий угол, царство грибов и ягод, а несколько восточнее по течению р. Вохтомы в XVIII в. были корабельные леса. Почва—обычный суглинок с примесью ила, который при достаточной обработке и унавоживании дает удовлетворительные урожаи ржи и яровых. Из других районов Костромской г. местность, по словам пчеловода Г. А. Кузьмина, выделяется исключительным медосбором и хорошим качеством меда. При сношениях и передвижениях крестьян район этот расширяется, захватывая соседние вотчины, села и деревни. Парфеньев был за то время, к которому относится наш архив, ближайшим административным центром. Другим близким административным центром был Галич. Эти два центра тесно были связаны с Москвой, в особенности с Приказами Большого Приходу, Ямским, Галицкой Чети и Стрелецким. В Петровское время Бухаринские крестьяне с подводами явля-

ются в Вологде, Великом Новгороде, Валдае и вообще в северо-западном крае. После 1708 г., когда Галич отошел к Архангелогородской губернии, они с окладным хлебом бывают на Тотьме, на Толшемском устье а рекрутов сопровождают до г. Архангельского. С XVIII в. правительственный центр ясно, хотя не сразу, перемещается в Санктпитебург, куда идут на постройки работники. Но помещики по старой памяти все еще живут в Москве или в подмосковных: по дороге к ним Бухаринские крестьяне заезжают в Ростовскую их вотчину с. Никольское, по поручению помещика бывают и в его деревне Песей Погост, Вологодского уезда. В половине XVIII в. тяготение помещиков к Петербургу заметно усиливается, и некоторые из них, как владельцы села Матвеева князя Репнины, живут уже там.

Хронологические грани, в которых располагается наш архив, — это 1621—1758 годы, включительно по который архив идет в порядке год за годом¹⁾. Недатированные документы отнесены к 1707—1747 г. г., то-есть к первой же половине XVIII в. Есть и еще несколько датированных документов до конца XVIII в., но они, видимо, попали совершенно случайно, по старой памяти. Таким образом архив обнимает сложную эпоху в 130 с небольшим лет: с польскими войнами XVII в., походом в Крым, стрелецким бунтом, борьбою за Азов, Великой Северной войной и основанием Петербурга, усилением дворянства во второй четверти XVIII в. Всего больше документов падает на Петровское время, всего меньше на первую половину XVII века²⁾.

Состав архива существенно отличается от дворянских фамильных архивов. Для усадебных фамильных архивов характерны царские грамоты, духовные, сговорные, рядные сговорные, купчие, меновные, кортомные, выписи из писцовых книг, письма и т. п. Из того, что мы сказали выше о происхождении нашего архива, видно, что в состав его входят главным образом отписи, боярские указы, мирские приговоры, челобитья и судные дела. Если и попадаются в нашем архиве однородные документы с фамильными архивами, как напр. отписи, грамоты, заемные памяти, то некоторые из них характерны для нашего архива и случайны в фамильных, другие, наоборот случайны в нашем архиве и характерны для фамильных. Итак наш архив — не „архив Мещеринова“. По имени произведшего его учреждения его правильнее назвать „архив Бухаринской Схожей Избы“.

Происхождение и состав архива Бухаринской Схожей Избы не открывают широких перспектив. Это — не архив Галичской или Парфеньевской Губной Избы, которые дали бы нам взглянуть на крестьянство Галичского уезда или, по крайней мере, Парфеньевской осады с определенной высоты. Это даже не архив домово́й конторы Мещериновых, где сосредоточивалось управление вотчинами, разбросанными в разных уездах. Это архив мелкого крестьянского „мира“. Так как главную часть нашего архива составляют платежные отписи, то он довольно пуст по содержанию. Значительно интереснее он становится с 1707—1712 г. г., когда к старым платежным отписям

присоединяется делопроизводство Бухаринской Схожей Избы. Он касается крестьянства, главного героя архива, лишь краем задевая тесно связанное с ним дворянство.

В своей работе мы задаемся целью по возможности кратко, но точно и связно изложить содержание нашего архива. Свое дальнейшее изложение мы разделим на следующие главы: 1. „Деревня Бухарино с деревнями“ и ее владельцы в XVII и первой половине XVIII века. 2. „Тягло“ деревни Бухарино с деревнями в XVII и первой половине XVIII в. 3. Крестьянский „мир“ д. Бухарино с деревнями в XVII—XVIII веке. 4. Черты быта крестьян вотчины Мещериновых в XVII—XVIII веке. Материалы для первой главы будут извлечены из всех документов нашего архива. Для второй будут служить почти исключительно платежные отписи. Для третьей — боярские указы, доношения, мирские приговоры. Для последней — челобитья, судные дела, а также случайные частные акты.

2. „Деревня Бухарино с деревнями“ и ее владельцы в XVII и первой половине XVIII века.

До 1620 года Парфеньевская Окологородная волость, Галичского уезда, была „за государем“¹⁾, т. е. была черной волостью. До этого времени местные крестьяне совершенно не знали власти помещика и вотчинника и в своем быте ничем не отличались от свободного крестьянства Поморья, не знавшего никогда крепостного права.

В это время она начинает поступать в раздачу и частями попадает в руки разным „немчинам“ и „иноземцам“. Так уже в 1621 г. „иноземец“ Андрей Голобовский владеет здесь 225 четями с полуосминою²⁾, правда, не встречаясь позже в качестве вотчинника в нашем архиве. В 1623 г. деревня Ковезино с деревнями, всего 5 четей с осминою, числится за „немецким прапорщиком“ Яном Вода³⁾, в русских условиях уже к 1631 г. превратившимся в Ивана Ивановича Водова⁴⁾. Тогда же с 1621 г. и „деревня Бухарино с деревнями“ становится поместьем и вотчиной „немчина“ „иноземца“ „капитана“ („капитона“) Якова Яковлевича Шава⁵⁾. Позже, как увидим ниже, появляются здесь и другие „иноземцы“ и немчины⁶⁾.

1) № 6 от 1623 г.: «Парфеньевские волости... что была то волость преж сего за государем».

2) № 2. Не он ли был в 1630 г. воеводой в Косарозе? см. Костр. Губ. Вед. 1851, №№ 40 и 41а.

3) № 6. 4) № 10. Последнего представителя этого рода, владельца ус. «Савкино», Галичск. уезд, белокурого, с не-русскими чертами лица автор помнит из своего раннего детства.

5) Когда написана статья была уже приготовлена и печать, появилась книга акад. С. Ф. Платонова: «Москва и Запад в XVI—XVII в.в.» (Лигр. 1925), где на стр. 54 имеются следующие сведения об Я. Шава: «Одновременно с правительственными планами созревали на Западе и частные попытки вмешательства в московские дела. Так, на походе своем из Ярославля к Москве Пожарский «с товарищи» должен был посчитаться с одною из таких попыток. К нему явился «Шкотские земли немчин Яков Шав (James Schaw) посланцем от большой компании разноплеменных авантюристов, во главе которой стоял «начальной воевода и боярин Ондрея Флодеран и Лит из Цысарские державы» и с ним несколько полковников—немцев, французов и англичан. В их числе был и известный нам Маржерет, служивший первому самозванцу. Шав объявил, что вся эта компания направляется через Архангельск на Русь «для договору цаеяного войска иноземцев в надежде, что она «всей земле приходом своим велику радость учинит». Однако, правительство Пожарского думало не так и отказало в найме «Ондреяну Фрейгерю с товарищи». 6) В писцовой книге по Чухломе 1628 г. в числе новых землевладельцев на черных землях Галичского у. называются сл. иноземцы: Вуге Ари — «переводчик», Вод Ян — «поручик», Гамент Давыд, Гамент Петр — «капитан», Герн Томас, Голубовский Андрей — «поляк», Граевский

Появление немцев—иноземцев в Галичском уезде—прямое последствие только что пережитой Московским государством смуты, когда часть главарей и участников польско-литовских шаек осталась в Московском государстве, при чем некоторые из них оказали ценные услуги новому правительству. С другой стороны и московские люди после смуты не могли не заметить культурного превосходства пришлых иностранцев, в особенности в области военной техники, и земское правительство царя Михаила не могло не стремиться пристроить их к делу военной обороны государства. Для устройства иностранцев на русской службе московское правительство при слабо развитом денежном хозяйстве стало прибегать к тому же приему, какой издавна применялся к служилым людям—оно стало давать им поместья и вотчины. Так как земли под Москвой к тому времени были уже исчерпаны, то пришлось пустить в ход и свободный земельный фонд Замосковского края—черные волости Галичского уезда, в том числе и Парфеньевскую Окологородную¹⁾.

Новый край, поступивший в раздачу, представляется еще малоустроенным, с неустановившейся номенклатурой селений и с неустановившимися земельными отношениями. Так деревня Бухарино в течении XVII века называется то Бухарина, то Бохарино, то Бухарева, Бухарова, Бухурово, Бухорино, Бугарниково, Бухарниково, Бухалово, Буханова и пр., пока наконец за нею не остается ее нынешнее название. Деревня „Симино, а Зимница тож“ (1623—1686 г.) превращается в Зимино, Зимницыно, Симоново, Симакова, Озимино²⁾, речка Шмарига называется Шишмарой, Шмарихой, Немдохта-Нендохтой, Нендовкой, Неей Малой. Неопределенен и размер поместья и вотчины капитана Якова Шава: в 1621 г. за ним считается 10 чети с осминою. В 1633 г. Яков Шав при уплате сбора в приказ сбору немецких кормов дал дякам скаску за рукою, из которой видно, что его поместья и вотчина находились в Заболотской и Парфеньевской волостях, включая следующие деревни: Букорино, Митенино, Горшково, Якушево, Пересторонино, д., что был починок Переваркин, Чурилково, а Чуркино тож, Лобаново, Спирино, Быково, Гладышево, Ямышево, а всего 9 четвертей живущих³⁾. Но

Станислав Дивель Матвей «немчин», Лермант Юрий «немчин», и «поручик», Мутр Катетан «немец», Рылент Иван «иноземец», «служилый немчин», Сяповский Ян, Стекольница Анна, «немка», Ульф Роман «немчин», Шав Арина с детьми Аюткою, Катеринкою и Яковом, Фамендины Андрей и Арист «немцы», Фарфар Ян «прапорщик», «немчин» М-лы для истории г. Чухломы и рода востромичей Юдиных, т. 1, Красноярск 1902; ср. дозорную книгу по Чухломе 1619 г. там же.

¹⁾ А. С. Дялло-Данилевский. Иноземцы в М. государстве в ц. Михаила. Ж. М. Н. Пр. 1885 № 9, стр. 66—106, и С. Ф. Платонов. Смутное время Итб. 1923, стр. 164—165. Утверждение Ю. В. Гольца, что П. О. волость при Михаиле была отдана Ф. Шереметеву, не подтверждается нашим архивом.—„Великая Реформа“, т. 1, ст. 34. Шереметеву дано было с Покровское соседней Нейской волости.—Чт. О. И. Д. Р., 1903, № 2, стр. 1—130²⁾ Ее, повидимому, следует отличать от починка Зяменев, упоминаемого с 1710 г.³⁾ № 12. В писцовой книге по Чухломе 1628 г. в Заболотской волости числится «за вдовою за немкою за Ариюю Яковлевою женой Шава да за ее сыном за Яковом. да за двумя дочерьми за девками, за Аюткой да за Катеринкой мужа ее поместье усадище, что была д. Чурилково, а Чуркино тож. на речке на Шаче, а в нем двор помещиков, а живет в нем сама вдова Арина с детьми; «на р. Шаче—меленка колотовка» помещикова, а мелет про свой обход. Шавам принадлежат также деревни Лобаново на р. Ляндыше, Спирино на р. Долгушке Быково, Гладышево на Шаче, Ямышево, пустошь Васюкою на р. Неле, четь п. Керасова, полустоши Климова, четь п. Якушева. В них двор помещиков, двор людской, 28 крестьянских людей в них 45 чел., 2 двора бобыльских, «а людей в них то ж». Всего записано было за нек в поместье 319 чети и в вотчине 140 чети итого 459 чети. М-лы по истории Чухломы, сс. 239—240.

и раньше и позже этой скаски до 1638 г. сборы с него чаще взимаются с поместья—д. Бухаровой с деревнями „с 5 чети с осминою пашни“.

В 1638 г. Яков Шав умер. Поместье и вотчина остались за его вдовой с детьми, сократившись в размерах. Теперь сборы взимаются „со вдовина Орипина поместья Яковлевы жены Шава з детьми с Яковым да с Иваном да з дочерьми з девками—з д. Симиная, Зимницыно тож, з деревнями с чети без полтретинка, да с вотчины з деревни Бухарина з деревнями с 4 чети“¹⁾. С 1649 г. в качестве плательщиков с поместья и вотчины Ирины Шава упоминается „Балсырев крестьянин Юнгорова,“²⁾ а в 1651 г. „Балсырев крестьянин Томосова Юнгорова“.³⁾ В 1652 г. был взят сбор „с поместья и вотчины иноземца Балсыря Юргера да вдовы Ирины Яковлевы жены Шава з деревни Зимина, Зимницыно тож, з деревнями с чети без полтретинка, да з деревни Бухарина с деревнями с 4 чети“ „против сказок иноземца Балсыря с крестьянских и бобыльских со штидесят с четьмих дворов, а вдовы Ирины з двадцати с одного двора,“⁴⁾ а всего таким образом с 85 дворов. Не имея других данных в руках, мы можем более или менее верно предположить, что Ирина Шав выдала одну из своих „дочерей-девок“ за Балсыря (Василия) Юргера, который и стал владельцем вотчины, или он приобрел ее вотчину, оставив в ее руках поместье. Около того же 1649 г. и поместье с 21 двором перешло в руки нового иноземца, за которого, возможно, была выдана другая дочь Якова Шава: в 1656 г. сбор был взят между прочим с „государевых новоотписных крестьян по их крестьянской скаске крестьянских и бобыльских з 21 двора... „что было за Федором Фамендиным“⁵⁾. В более поздних отписях Фамендины также называются „иноземцами“⁶⁾.

С конца 1653 года владельцами нашей вотчины выступают новые люди—Мещерениновы или Мещериновы, за которыми она и остается до второй половины XVIII в. 1653 г., декабря 31, сбор впервые был взят с „Алексея Обрабова с Мещеринова куплены вотчины Галицково уезду, Парфеньевского. Окологородья, д. Бухарины з деревнями, что он купил в нынешнем во 162 году у немчина у Арчбала Юнгера со штидесят дворов“⁷⁾. Но еще долго, до самой смерти А. А. Мещеринова, сборы взимаются с вотчины Ирины Шава, при чем платит их „человек Мещеринова“ или „иноземца Балсыря Томосова“⁸⁾; если же они взимаются одновременно и с поместья Ирины Шава (иноземца Андрея Фамендина), то платят двое старост⁹⁾. Центром поместья становится Креньково, центром вотчины остается Бухарино. Размер вотчины и поместья указывается то по старому—в четьях, то по новому—в дворах. Количество четей в вотчине Мещеринова—4¹⁰⁾, впоследствии без полполтретинка¹¹⁾, количество дворов в 1655 г.—60¹²⁾, 1659 г.—90¹³⁾, в 1672-78—63¹⁴⁾ двора. Количество четей в поместье Ирины Шава (Андрея Фамендина)—„четь с осминою“¹⁵⁾ или „четь без полполтретинка“¹⁶⁾, число дворов—21¹⁷⁾. С этих пор

1) № 21 и сл. 2) № 38. 3) № 40. 4) № 42. 5) № 53, ср. № 63. 6) № 65. 7) № 45. 8) № 129. 9) № 70. 10) № 49 и сл. 11) № 126. 12) № 52 и сл. 13) №№ 61, 64. 14) №№ 104, 107, 124, 129. 15) №№ 61, 68. 16) № 65. 17) № 53.

судьба вотчины и поместья различны, и поместье ускользает из круга нашего внимания.

Мещериновы, новые владельцы Бухарина, были ростовскими помещиками. Алексей Аврамьевич называется иногда „Мещеренин“¹⁾, что говорит, пожалуй, об его инородческом происхождении из мещеры, с берегов реки Цны. В Ростовском Авраимевом монастыре имеются его вклады с записями, по которым можно восстановить его генеалогию. Так там имеется евангелие с вкладной записью: „7164²⁾ года декабря 29 дня положил сие евангелие в дом чудного Богоявления к чудотворцу Авраимию, архимандриту Ростовскому, Алексей Аврамов Мещеринов по отце своем Авраме, по матери своей Ульянии и по ледах своих Артемие и Максиме убиенных и по бабке своей инокине схимнице Софье и по дяде своем Акиме для вечного покою“³⁾. Там же имеются серебряные позолоченные сосуды, при чем на двух дорных блюдах вкладная запись: „166 году.⁴⁾ октября 8-го дня, дал сии три блюда⁵⁾ и потир и лжицу серебряные и золоченые места в дом чудного Богоявления к великому чудотворцу Авраимию Ростовскому Алексей Мещеринов по своем отце Аврамии, по своей матери Юльяне и по своих родителей“⁶⁾. Наконец имеется еще серебряная ладоница с вкладною записью А. А. Мещеринова⁷⁾. Эти щедрые вклады свидетельствуют о богатстве нового владельца, соответствовавшего и его служебному положению: А. А. Мещеринов был колова стрелецкий московских стрельцов⁸⁾.

После смерти А. А. Мещеринова в 1677 или 1678 г. „Бухарино с деревнями“ перешло к его детям — *Ивану Алексеичу и Федору Алексеичу Мещериновым*, которые и владели ею до 1687 г. С 1679 г. в нашем архиве уже нет упоминания о том, что вотчина когда-то принадлежала Шавам или Балсырю Юргеру. Иван Алексеич Мещеринов еще в 1653 г. платил деньги за новоприобретенную вотчину⁹⁾. Его чин, упоминаемый в описи 1685 г. — „стольник“¹⁰⁾. Он известен по осаде и взятию Соловецкого монастыря в 1674-75 г.г.¹¹⁾. Повидимому, он был очень богат, так как в 1682 г., во время стрелецкого бунта, с него было „доправлено московским стрельцом 5678 р. 31 алт. 4 ден.“ что составляли огромный „окуп“ по тому времени¹²⁾. Федор Алексеич Мещеринов носил чин „стольника и полковника и главы московских стрельцов“. В момент, когда Галичская вотчина перешла к братьям от отца, они еще были на государственной службе: в 1679 г. грамотою царя Федора Алексеича не велено было править за Вяземский четвериковый хлебный запас с поместий Ф. А. Мещеринова „для нынешние службы“, пока он с службы будет“¹³⁾. В 1680 г. староста вотчины Мещериновых Федька Васильев с товарищи в челобитной писали: „а ныне государи наши на твоей, в. г., службе“¹⁴⁾. В 1682 г. Ф. А. Мещеринов был на службе в Астрахани¹⁵⁾.

1) № № 51, 62. 2) 1655 г. 3) А. Титов. Ростов Вел. и его церковно-археологич. памятниках, М. 1911, стр. 114. 4) 1657 г. 5) Включая дискос. 6) Там же, стр. 116. 7) „Дал до церкви святого Богоявления и пр. чудотворца Аврамия Алексей Аврамович Мещеринов“. Там же, стр. 117. 8) № 64, стр. 57, 61, 67, 68, 96, 113 и др. 9) № 45. 10) № 151. 11) Макарий. Ист. русск. раск. Спб. 1855, стр. 210—213. 12) № 199. 13) № 131. 14) № 136. 15) № 14: „для нынешне-государены, астраханские службы.“ „покамест он Федор, с нынешне государены службы из Астрахани будет“.

Больше об их службе ничего неизвестно: повидимому оба они отставлены от военной службы в связи со стрелецким бунтом 1682 г. по требованию стрельцов. В 1697 г. не велено было иметь с них полуполтинных денег на 190 год для того, что с Ивана, как сказано выше, те деньги доправлены, а Федор в 190 г. был у московских стрельцов в полковниках, а по царскому указу и по докладным выпискам 190 и 192 г. „стольников и полковников, которые в смутное время были у московских стрельцов и в смутное время и до смутного времени от московских полков отставлены и по стрелецкому челобитью деньги на них правлены, и с тех денег иметь не велено, а с которых и взяты, велено выдавать“¹⁾.

Размер вотчины теперь меньше, чем при А. А. Мещеринове: только в 1679 г. в грамоте царя Федора Алексеевича за Мещериновыми числится 63 двора крестьянских и бобыльских²⁾. В том же году за ними числится 50 дворов и 5 дворов переходных³⁾; во все последующее время в вотчине числится 9 деревень⁴⁾ и 55 дворов крестьянских и бобыльских⁵⁾, каковое число написано и в переписных книгах 1676 г.⁶⁾, а в четвертях по прежнему—4 четверти⁷⁾. Дворы эти при приеме сборов делятся между Иваном и Федором Мещериновыми пополам: так в 1683 г. взято „с Ивановой половины... с 27 дворов“⁸⁾, а в 1691 г. „с 28 дворов“⁹⁾.

В 1687 г., по скаске старосты Оськи Павлова и целовальников в Парфеньевской приказной избе, деревня Бухарино с деревнями была справлена за детьми Ивана Алексеевича Мещеринова—„стольниками“ *Алексеем Ивановичем и Иваном Ивановичем Мещериновыми*“, кроме 12 дворов д. Пересторонина да д. Горшкова, которые справлены за Андреем Змеовым¹⁰⁾. При этом о службе их староста и целовальники сказали, что они „на службах вв. гг. в двух крымских походах в прошлых во 195 и во 197 годах были в Большом полку у князь Василия Голицына с товарищи“.¹¹⁾ В 1695 г. не велено было иметь семигривенных денег с поместья и вотчины Алексея Ивановича Мещеринова, „потому что он ныне на их, вв. гг., службе на Самаре в Новобородицком“¹²⁾, а в 1697 г. не велено иметь денег на 204 год с поместий и вотчин обоих братьев, „для того, что они ныне на его, в. г., службе—Алексей в Новобородицком на Самаре, а Иван под Азовым в Большом полку“.¹³⁾ В 1698 г., как видно из указа царя Петра Алексеевича, брат Ивана Ив. Мещеринова Алексей „умре“, и его крестьяне справлены за одним Иваном Ивановичем, который до 1699 г. все еще оставался в Новобородицком на Самаре¹⁴⁾.

Хотя по сказке вотчинного старосты 1691 г. за А. Змеовым было оставлено всего 12 дворов, но для платежей вся вотчина из 55 дворов по переписной книге 1676 г. была разделена на 3 части: с 18 платил Алексей Иванович, с 18 Иван Иванович Мещеринов¹⁵⁾, т. е. оба брата с 36 или с 37 дворов¹⁶⁾, и с 18 Андрей Борисович Змеов¹⁷⁾. Однако, число дворов в вотчине

1) № 199. 2) № 131. 3) № 130. 4) № 134. 5) № 134 и сл. 6) № 176. 7) № 132 и сл.
8) № 159. 9) № 181. 10) № 183. 11) № 183. 12) № 193. 13) № 196. 14) № 224. 15) № 158.
16) №№ 167, 175, 192, 197. 17) № 173.

было, повидимому, больше: в 1698 г. Иван Иванович справляет за собою по смерти брата оставшиеся после него 90 крестьянских дворов¹⁾. Если здесь непринимаются в расчет крестьянские дворы А. И. Мещеринова в других вотчинах, то размер нашей вотчины в конце XVII в. установить нам не удастся.

В этом же 1698 году новым владельцем Бухарина, а с 1699—1700 г. и единственным, выступает младший сын Ивана Алексеевича Мещеринова—стольник *Илья Иванович Мещеринов*²⁾. Он владел вотчиной все дальнейшее петровское время до 1729 или 1730 года. В 1701 г., Илья Иванович именуется „жильцом“³⁾, в 1711—опять „стольником“. Ничего неизвестно об его службе, хотя в своих указах от 1714 г. он и пишет: „А мне за вас платить нечем, понеже и самим являют службу“⁴⁾ и „ныне нам сказана служба“⁵⁾.

В 1713 г. у Ильи И Мещеринова в вотчинах всех губерний числилось 126 дворов⁶⁾ Из этих вотчин нам становятся известны из его указов—подмосковная сельцо Часовня, Спасское тож, сельцо Никольское в Ростовском у., д. „Песей Погост“ в Вологодском у., с. Рождественое, наконец д. Маркино, в Галичском у. В Бухарине за ним числятся те же 36 дворов, что и за отцом его Иваном Алексеевичем и дядей Федором Алексеевичем с 1687 г.⁷⁾ 19 дворов из этой вотчины числятся с 1704 г. за стольником Венедиктом Борисовичем Змеовым⁸⁾. Кроме Бухарина, теперь в вотчину входят д. Митенино, поч. Зимнево, поч. Лепешкино, поч. Своротилово, поч. Хохлушкино, д. Якушево и жеребей д. Баранова. Деревни Пересторонино и Горшково отошли к Змеову. Тяготы петровского времени сильно разорили вотчину: много крестьян было взято в солдаты в многочисленные наборы, другие ушли в работу, третьи бежали—кто на Тотьму, кто на Вятку в Котелинскую волость или в Котельнич⁹⁾. При ревизии 1710 г. выяснилось, что в Галичской вотчине И. Мещеринова нет и 36 дворов—всего 31¹⁰⁾, а в той части, которая отошла к Змеовым, вместо 19 только 13 дворов, т. е. констатирована убыль с 55 дворов до 44—на 11 дворов, хотя сборы продолжали брать попрежнему—с 36 дворов по переписным книгам 186 г. Отчетливее состояние вотчины в это время видно по скаске старосты Артемья Панкратова от августа 1714 г. в Парфеньеве на Съезде Дворе перед капитаном Васильем Хвостовым¹¹⁾. Вот какие цифры извлечены из нее: (См. табл. на 14 стр.).

При свидетельстве 1723 г. в вотчине оказалось всего 112 душ, при чем по деревням они располагаются таким образом: Бухарино 20 душ, Митенино 29, Якушево 17, Бараново 1, Своротилово 11, Лепешкино 24, Зимнево 5, Хорлушин 5¹²⁾ До какой степени разорения дошла вотчина И. И. Мещеринова в конце северной войны показывает „знание о неплательщиках крестьянах“ от 1726 г. выборного Исаака Тимофеева: неплательщиков было 25 человек—„у сих вышписанных ни хлеба, ни скота ничего нет“; умерших 34 души; бежало 6 человек; отдано в рекруты 4 чел. „и всего бобылей, умерших и взятых в рекруты и беглецов 69 человек“¹³⁾.

1) №№ 212, 215. 2) №№ 216, 223, 226, 228, 229, 236 и сл. 3) № 235. 4) № 330. 5) № 528. 6) № 533. 7) №№ 228, 236, 246 и сл. 8) № 256. 9) №№ 332, 379. 10) №№ 310, 342. 11) № 332. 12) 377, ср. 556. 13) № 393.

Наименование деревень.	Д в е р о в :					Д у ш :					
	Помещико- вых.	Жельнх.	Пустых.	Солдатских.	Мест дво ровых.	Умерших после 1676г.	Отданных в солдаты.	Отданных в работу.	Бежавших более...	Муж. пола.	Жен. пола.
Бухарино	1	7	4	—	3	28	5	1	12 ¹⁾	41	42
Митерино	—	6	1	1	3	24	5	2	3	30	31
Якушево	—	1	1	—	3	8	—	—	—	9	3
Бараново (жеребей)	—	2	—	—	—	2	—	—	—	8	7
Поч. Своротилово	—	1	2	—	—	10	2	—	—	10	11
Поч. Новое Займище	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—
Поч. Лепешкино	—	2	1	—	—	4	—	—	—	13	11
Итого	1	19	10	1	9	77	12	3 ¹⁾	15 ²⁾	111	105

После смерти Ильи Ив. Мещеринова вотчина перешла к его вдове *Татьяне Адриановне* с 3 малолетними детьми: Иваном, Васильем и Ильей Ильичами Мещериновыми. Татьяна Адриановна, однако, недолго была вдовой: уже в 1734 г. ³⁾ мы видим ее замужем за „полковником“, а вскоре „бригадиром“ *Антоном Назарьевичем Дубасовым*, от имени которого теперь и исходят указы в Бухарино, как недавно от имени Ильи Ив. Мещеринова, иногда за подписью Ивана или Василья Мещериновых ⁴⁾. Крестьяне в челобитных теперь обращаются к «государю Антону Назарьевичу, государыне Татьяне Адриановне, государю Ивану Ильичу, государю Василью Ильичу, государю Илье Ильичу» ⁵⁾. Из всех троих детей Ильи Ивановича, возможно, в силу Петровского указа о единонаследии, всего больше значения приобретает младший *Илья Ильич Мещеринов*. С конца 1745 г. Бухаринские крестьяне пишут о себе: «вотчины государя своего кабинет Ильи Ильича», а «вотчим Антон Назарьевич» совсем сходит со сцены ⁶⁾. Впоследствии с 1754 г. Илья Ильич был «маэром» ⁷⁾, а с 1765 г. «секунд-маэром» ⁸⁾. Илья Ильич оказался очень богатым наследником. Вот перечень вотчин, полученных им «в разных городех»: в Ростовском уезде, в Цегловском стану, в селе Погорелове с сельцом Ракотинным 269 душ; в Чернском уезде, в Пятницком стану, в селе Рождественном 268 душ; в Галичском у. в Парфеньевской Окологородной волости, в д. Бухарине с деревнями 212 душ; в Вологодском у., в Кубенской волости, в д. Песье Погосте с деревнями 32 души; в Переславском уезде, в Верходубенском стану, в сельце Рябинне 25 душ; в Рузском у., в Скирмановском стану, в сельце Спасском, Часовня тож, 1 душа, кроме того, в с. Сидорове неизвестного уезда 70 душ и Рязанских 762 души ⁹⁾. Всего таким образом, 939 душ, что составляло крупное состояние. Но эти цифры несколько уменьшены: так в д. Бухарине по этому списку только 212 душ, как и при

1) Из них 2 умерло. 2) Число бежавших точно неизвестно, т. к. о них сказано чаще всего «бежал с женою и с детьми». 3) № 431. 4) №№ 422, 423. 5) № 456. 6) № 478. 7) №№ 518—521. 8) № 522. 9) № 551.

Илье Ив. Мещеринове; на самом деле в 1749 г. здесь было уже 256¹⁾, а в 1751 г. 265 душ²⁾. Для характеристики состояния Галичской вотчины Мещериновых в середине XVIII в. очень важна черная «ведомость, что в которой деревне дворов и в тех дворах сколько мужеска полу имеетца и в каковы лета женатых и холостых и сколько под которым двором тягловои земли и что в тягло высиеваетца ржи и овса, також и что какого у кого скота», составленная выборным Мартьяном Семеновым 27 апреля 1754 года³⁾.

Приведем некоторые итоги, подсчитанные по этой ведомости:

Наименование деревни.	Число дворов.		Число душ м. п.	Высеивается.				Количество скота.					
	Крест-янских.	Бобыльских.		Ржи.		Овса.		Лошадей.	Жеребят.	Коров.	Подтелков.	Овца.	Свиней.
				Чтв.	Чк.	Чтв.	Чк.						
Бухарино	24	—	67	51	4	97	6	51	10	42	39	114	15
Митенино	14	2	61	46	1	79	2	30	8	40	34	65	15
Якушево	7	1	22	14	6	29	—	14	5	11	10	26	7
Бараново	3	—	14	8	—	16	—	7	—	8	7	15	2
Лепешино	16	—	53	34	5	61	2	33	8	42	37	68	15
Своротилово	6	2	18	14	2	20	3	11	—	11	6	23	3
Зимнево	11	—	39	22	4	42	—	23	5	26	24	43	7
Хорлушино	5	—	15	11	1	22	—	9	3	12	10	22	—
Итого	86	5	289	202	7	367	5	178	39	192	167	381	64

Долго ли Илья Ильич был владельцем Бухарина мы не знаем, так как наш архив кончается пятидесятыми годами XVIII века. В 1792 и 1793 г. деревни Бараново и Бухарино, всего 332 души, числятся за Антоном Ильичем и Николаем Ильичем Мещериновыми⁴⁾, а в 1797 и 1798 гг. вотчина считается за княгиней Марьей Ильичной Невитицкой⁵⁾. В это время в вотчине числится 294 души.

3. „Тягло“ д Бухарина с деревнями в XVII и первой половине XVIII века.

Население Московского государства разделялось на людей „служилых“ и „тяглых“. Крестьяне относились к последней категории и должны были нести государственное „тягло“, т. е. платить разные государственные „сборы“, и отправлять разные повинности. Принципиальной разницы между податями и повинностями в XVII-XVIII в. не было, так как некоторые подати взымались и натурой, а за повинности можно было расплачиваться, хотя бы частично, деньгами. Время непосредственно после смуты, войны XVII века, а в особенности Великая Северная война в первой четверти XVIII в., требовали огром-

¹⁾ № 500. ²⁾ № 512. ³⁾ № 518. К сожалению эта подворная опись стоит совершенно одиноко в архиве. При наличии нескольких таких описей возможно бы было уловить экономическое расслоение в вотчине. ⁴⁾ №№ 523 и 524. ⁵⁾ №№ 525, 526.

ных расходов и жертв, которые всей своей тяжестью упали на крестьянство. Только служба владельца иногда освобождала крестьян от некоторых платежей на некоторое время. Вот почему нас не должно удивлять очень большое количество, около 305, отписей и квитанций в приеме разных государственных сборов с Бухаринских крестьян: в течении всего XVII и в XVIII веке Бухаринские крестьяне только платили подати и отбывали разные повинности, в чем и было их государственное значение.

Однако, когда мы окидываем взором это большое количество отписей с целью выяснить размер и рост тягла Бухаринских крестьян, мы чувствуем большую растерянность. С 1723 г. и до наших дней крестьяне платили одну прямую „подушную“ подать. До того же времени с них ежегодно взималось несколько прямых сборов, платившихся в разные приказы, и не с каждого в отдельности, а со всей вотчины по уездной разверстке. Самая единица кадастра для нас неясна и изменялась с течением времени: сначала сборы взимались с количества четей паханой земли, каковых было в вотчине, как мы видели, сначала 10, потом с 1623 г.— $5\frac{1}{2}$, с 1638 г.—5 без полтретинка, считая поместье и вотчину, с 1653 г.—4 чети, считая одну вотчину, или 4 без полтретинка. В 1646 г. появляется новая единица кадастра—„двор“, под которым нужно разуметь отдельное крестьянское хозяйство. Таких дворов в вотчине было 64, впоследствии число их то увеличивалось до 90, то сокращалось до 63, 60, 54, 37, 36, 31, 28, 27. 18. При этом сохранялся некоторое время счет и на чети. Эти цифры не выражали конечно, действительного размера землевладения или наличности крестьянских дворов. Первая ревизия выяснила убыль в вотчине Мещериновых с 36 дворов до 31; однако сборы по прежнему взимались по переписным книгам царя Федора с 36 дворов. Один и тот же сбор взимался то натурой, то деньгами, и проследить точно его рост или уменьшение нет возможности. Часто размер сбора не обозначается, берется «по расчету сполна», как не обозначается и этот расчет, и мы можем догадываться о нем только по сравнению с предшествующими или последующими отписями. По одной и той же вотчине часто взимается несколько разных сборов, в других отписях эти же самые сборы взимаются раздельно. В довершение путаницы сборы взимаются на прошлые годы и даже на предбудущий год (в Петровское время). Один и тот же сбор взимается по приказу то земской, то приказной администрации, то дьяками, то лицами, официальное положение которых остается неизвестным. По финансовой истории XVII века существует капитальная работа А. С. Лаппо-Данилевского¹⁾, по финансовой истории петровского времени не менее капитальная работа П. Н. Милюкова²⁾, но и эта литература не все разъясняет, и отписи пока являются документами плохо читаемыми.

Однако, несмотря на эти затруднения, сделаем опыт проследить по одним отписям, не прибегая к другим материалам,—какие же подати и

¹⁾ Организация прямого обложения в Московском государстве со времени смуты до эпохи преобразований. Сб. 1890. ²⁾ Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII ст. и реформа Петра В. Сб. 1905.

в каком размере платило тяглое крестьянство д. Бухарина с деревнями в XVII и первой половине XVIII в.?

Одной из самых ранних податей в Галичском уезде были *„ямские деньги московских и разных городов охотником на жалованье и на прогоны“*, платившиеся в Ямской приход. Впервые они были взяты в 1623 г., последний раз в 1709 г. Их обычно собирали вместе с кормовыми в Галичскую четь, малыми ямскими в Большой Приход, а впоследствии с полоняничными, галичские выборные сотные целовальники по грамоте из Ямского Приказу и по приказу галичских губных старост или воеводы. Иногда их платили в Галиче, в 1705—1709 г. в Парфеньеве в съезжей избе. В 1658—1671 г. их получали дьяки, а дьячьи отписи записывались в книгу в Галичской съезжей избе. Первоначально их брали с количества четей, в 1684—1709 г.г. стали брать с двора вместе с полоняничными. В 1623 г. с 5 четей с осминою были взяты 3 руб. 7 алт., 1½ д., в 1634, 1635 и 1637 г.г. с того же количества пашни по 2 р. 25 алт.—с чети по полтине. С 1638 г. „по новым писцовым книгам“ стали брать с чети пашни по 22 алт. 1½ ден., а с 5 чети без полтретинка—3 руб. 9 алт. 2 ден., с 1640 г. по 29 алт., с 1643 по 1671 г. по 32 алт. 4 ден., что с 5 чети без полтретинка составляло 4 руб. 27 алт. 1½ ден., а с 1658 г. с 4 четей одной вотчины без поместья—3 руб. 30 алт. 4 ден. В 1705—1709 г.г. ямских и полоняничных брали по 10 денег с двора, а с 36 дворов 1 рубль 26 алт. 4 ден.

Одновременно с большими ямскими деньгами собирались *„малые ямские деньги“* в Большой Приход. Их платили с 1623-1674 года «в оклад в 40 рублей в 5 денег по расчету» или „по розвытке“—сначала по полутретье деньге с чети, с 1640 г.—по 8 денег, в 1643 г. по 6, в 1666 г. опять по 8 денег, с 1672 г. вместе с четвертными и полоняничными по 4 деньги с двора (с 60 дворов).

По тем же отписям, что и ямские деньги, платились *„кормовые в Галичскую Четь“*, *„белый корм“* или *„четвертные денежные доходы“*. Этот сбор взимается с 1623 до 1674 г., когда уничтожен был приказ Галичской Чети. „в оклад в 56 руб. 6 алт. 2 д. по расчету“. В 1637 г. с чети пашни было взято по полпяте деньге на 145 ч., а на 146 ч. по 4 деньги, в 1638—по 10 денег, 1643—по 7 ден., в остальные годы—неизвестно.

В связи с польской войной царя Алексея в 1652—1659 г.г. взимались *„полоняничные деньги русским людем полоняником на окуп“*, по грамотам из приказу Галичской Чети и по приказу губного старосты, одновременно с „белым кормом“ в размере по 4 деньги с двора. В 1673—78 г.г. этот сбор был повторен в таком же размере. Наконец он взимался последний раз в 1705—1709 г.г. в разгар Северной войны вместе с ямскими в Ямской Приказ по 10 денег с двора (с 36 дворов).

Другая ранняя подать, взимавшаяся с крестьян Галичского у., были *„стрелецкие хлебные запасы московским стрельцам на жалованье“* или *„стрелецкий хлеб“*. Этот сбор взимался с 1620 по 1705 год с перерывами между 1648—1680 годами. Он поступал „в Стрелецкий приказ, что за мясницкими

вороты“ „в государевы житницы“. Взяли его первоначально лица, официальное положение которых для нас остается неизвестным, как Степан Быковский или Иван Урусов¹⁾, несколько позже—выборные сотные целовальники по приказу воеводы или губного старосты. В доставке его в Москву сборщики брали на себя обязательство „привести отпись“²⁾. По уплате сбора отпись являли в Галиче, впоследствии в Парфеньеве на Съезде Дворе для записи в книгу. Сбор этот был натуральный—рожью и овсом и лишь иногда заменялся деньгами. В 1620—1645 гг. сбор этот взимался с чети пашни. В 1620—22 г. с 10 чети с третинком поместье и вотчина Я. Шава платила „3 чети с осминою ржи и овса“ (по 20 пудов); в 1626 г. с чети взято по 3 алт. 2 ден., а с 5 четей с осминою—18 алт. 2 ден., в 1632 г.—„по государеве указной цене“—19 алт. 4 ден.; в 1638 г.—„четверть с четвериком ржи, овса то ж“; в 1641—45 гг. „с чети пашни по 7 четвериков ржи, овса то ж“ с 5 четей без полтретинка поместья и вотчины. В 1680 г. стрелецкий хлеб платили „с двора по полчетверiku ржи, овса по тому ж“, что с 55 дворов вотчины составляло „3 четверти с осминой без полчетверика ржи, овса то ж“ (около 28 пудов того и другого хлеба). С 18 дворов Ф. А. Мещеринова по такому расчету приходилось по 1 четверти с четвериком, а с 37 дворов И. А. Мещеринова—по 2 чети с полуосминою и полчетверика ржи и овса. С 1689 г. оклад стрелецкого хлеба был увеличен в три раза—с полчетверика до 1½ четвериков. Теперь с 1689 по 1693 г. с 55 дворов вотчины стали брать всего „10 четвертей с полуосминою и полчетверика ржи, овса то ж“ (по 82½ пуда). В 1695—1705 гг. с 36 дворов Ивана и Федора Мещериновых взималось „7 четвертей без полуосмины ржи, овса то ж“ (по 54 пуда). При этом в 1702 г. в начале Северной войны, вместо стрелецкого хлеба были взяты на Вологде хлебные запасы: за рожь—мука с примолом по полуосмине без малого четверика с двора, итого 8 четей с осминою без четверика (67 пуд.), за овес—круп по полчетверiku с двора, итого 3 чети с осминою без четверика (27 пуд.), а в 1705 г. в Великом Новгороде—муки ржаной по 3 четверика, да возвратного (?) 18 четвертей с осминою „в вес по 8 пуд. четверть“.

Но, кроме обыкновенного „стрелецкого хлеба“, взимался иногда чрезвычайный военный натуральный налог—„запросной хлеб“, вызывавшийся нуждами военного времени. Так в 1665 году, во время польской войны, в Вязме в хлебные амбары взято было по 1 четверiku ржи и сухарей, что с 60 дворов вотчины составило по 7 четвертей с осминою ржи и сухарей (по 60 пудов). Так как при этом не было заплачено за 3 лишних двора, оказавшихся по переписным книгам А. Сонины, то „за Вяземские хлебные запасы“ в 1668 г. было доправлено в приказ хлебного сбора по полполтине с двора (всего 75 коп.), а в 1680 г. „за Вяземской четвериковой хлебной запас“ за 172 год по рублю с двора, всего 3 рубля. Этот „запросный хлеб“ был повторен в начале Северной войны: так в 1701 г. было увезено в Великий Новгород по осмине сухарей с двора или 18 четвертей

1) №№ 1, 2, 3. 2) №№ 1, 2, 3.

(144 пуд.) с 36 дворов, в 1702 г. туда же—по полуосмине муки с двора, всего 9 четвертей (72 пуд.). В 1703 г. „провиант“ Василий Милуков принял в Новгородском уезде в д. Шегоши по 3 четверика муки „в государеву зарорленную меру“, всего 13 четвертей с осминою (108 пуд.), в 1704 г. „в Питербурху“ было взято по 6 четвериков сухарей с двора, а всего около 27 четвертей (216 пудов). В 1705 г. в провиантский приказ вместо запросного хлеба уплачено по гривне с двора—3 р. 20 алт., в 1706 г. запросной муки на 1705 и 1706 г.г.—20 четвертей с осминою и с четвериком (165 пуд.).

Были и другие сборы в XVII в. на военные нужды государства: так в 1633 г. иноземец Яков Шав уплатил в приказ сбору немецких кормов со своего поместья и вотчины „с живущего с 9 четвертей с четверти по рублю, итого 9 рублей“¹⁾. В 1637 г. по грамоте из Челобитного Приказу взято „польских крайних новых городов на городовое и острожное дело и ратным людям на государево жалованье“ с чети по 10 алт., а с 5¹/₂ четеи 1 р. 21 алт. 4 ден.

Сборы платились не только с пашни, но и с угодий—„верхосытный оброк с Ивашкова бору, с Бушневицы и с других ухотей“ и „чешуйный оброк“. Бортовые ухотья были, повидимому, близ д. Перестаронино, т. к. в 1706 г. при 19 дворах там было 23 улья, тогда как в вотчине Мещеринова при 36 дворах их было 7—12 ульев. Рыбные ловли в вотчине были по реке Нее и, как можно заключать из позднейших квитанций, около д. Баранова, которая, действительно, стоит по берегу Нее. Обычно два этих оброка—верхосытный и чешуйный платились вместе. Взимали их обычно „сытные сборщики“ или „порядные сытники“ из крестьян соседних вотчин. Повидимому, сборы эти были земские, касавшиеся всей Парфеньевской осады, а может быть, и Галичского уезда, так как они взимаются по наказной памяти губного старосты и по росписи²⁾ „по их мирской ряде“ или „по их мирскому приговору“³⁾. Только однажды в 1672 г. верхосытный оброк был взят дьяком Ф. Тютчевым „на государев обиход на Сытной Дворец“ в размере 1 пуда 20 гривенок⁴⁾. „Верхосытный оброк“ впервые был взят на 1637 г. последний раз в 1703 г. „Чешуйный оброк“ впервые был взят на 1630 г., в последний раз в 1703 г. Но еще в 1731—37 г.г., после введения подушной подати, кр. д. Бараново „рыбный ловец“ Сава Галахтиев вносил за рыбные ловли по р. Нее по 8⁵/₈ коп., а в 1750 г. 8³/₄ коп. Оклад „верхосытного оброку“ в 1689 г. был „в 1 пуд 6 гривенок“, с 1674—„в 1 пуд 20 гривенок“. Оклад „чешуйного оброку“ был „в 31 алтын 3 ден.“. Раскладка и сумма того и другого оброка с вотчины не поддается точному определению. На 1637—39 г.г. в оброчный мед было взято по 8 денег с чети на год в 1667 г. сытных и чешуйных денег было взято по 8 алт. с четверти, т. е. с 4 четвертей вотчины 32 алт., в 1674 г. по 10 алт. 5 коп., 1675—по 2 гривны, 1676 г. по 8 алт. 2 ден., 1680 по 7 алт. с четверти. С 1681 по 1703 г. оброк стал взиматься с двора „по переписным книгам Михайла Коробенка и по платежным отписям монаха Иякова Чюдова монастыря“, т. е. с 55, а с 1696 г.—

1) № 12. 2) № 22. 3) №№ 149, 152 и др. 4) 1¹/₂ пуда.

с 36 дворов. Размеры его теперь остаются совершенно неизвестными. С 1704 г. медовый сбор превратился в сбор „с домовых пчельных заводов“ и стал взиматься по грамотам из Семеновской, 1706—1707 г. Ингерманландской, 1709 г.—Ижерской канцелярии „по скаске старосты“ по 8 денег с улья, что с 7 ульев в 1704, 1706 и 1707 г.г. составило 9 алт. 2 ден., с 12-ти в 1705 и 1709 г.г. 16 алт. и с 6 в 1712 г.—8 алт.

Кроме государственных сборов, в XVII веке платились еще местные сборы. Такова „мостовщина“. Так в 1649 г. по грамоте из Пушкарского приказу Галицкий воевода взял с чети пашни по 3 алт. 2 ден. „в Галитцкие проезжие в новые три мосты“¹⁾, в 1664 г. „в Галитцкие новые три мосты к проезжим башням и в казенной зелейной онбар и к Съезжей Избе в сени и в воеводцкой двор и в опальную тюрьму в строенье“ по 10 алт. с чети, итого с 4 четей 1 руб. 6 алт. 4 ден.;²⁾ наконец в 1676 г. взято „в строенье Галицких проезжих трех мостов“ с чети по 6 алт. 4 ден.³⁾ Близки к этому сборы на устройство и ремонт Галичской Съезжей Избы: так в 1659 г. по грамоте из Пушкарского же приказу взято было „в Галицкую новую Съезжую Избу в строенье“ по алтыну с чети,⁴⁾ а в 1720 г. по приказу комиссара „на строение в Галиче воевоцкогo старого хоромного строения и для содержания колодников по 4 деньге с двора, всего с 31 двора—20 алт. 4 ден.⁵⁾

С 1659 г. в Парфеньеве начинает действовать Парфеньевская Губная Изба с ее выборными властями: губным старостой из дворян, губным целовальником, губным дьячком, соцким, а также с тюремными сторожами, бичем и палачем или заплечным мастером, а с 1686 г.—Парфеньевская Съезжая или Приказная Изба со своими служащими: сыскных дел подъячим, верховыми сторожами. Губная изба в Парфеньеве существует до 1710 г., т. е. еще несколько лет спустя после указа 1702 г. об уничтожении губных изб. Съезжая Изба с 1728 г. превращается в Парфеньевскую Воеводскую канцелярию с воеводой, управителем, прапорщиком, пищиком, отставными солдатами. Новые учреждения требуют и новых расходов. Так в губную избу собираются ежегодно деньги „на свечи, на бумагу“, „на дрова, на чернила и в тюремные крети“. Иногда бывают и чрезвычайные сборы на постройки и ремонт; так в 1666 г. был взят сбор „в тюремную поделку и в новой Съезжей Двор в строенье“, 1670—„в новую тюрьму в тюремное дело“, 1671 г.—„да и в Съезжей Двор“, 1678—„в строенье новую губную избу“, 1679—„в стоялой двор“, 1683 г. „в поделку Съезжие избы“, 1686 г. „в новое воевоцкое строенье“, 1699—„в тюремную поделку“. С другой стороны, нужно жалованье выборным властям, кроме губного старосты, который зато был свободен от тягла. Сборы эти обычно взимались по грамоте из Розбойного приказу и по приказу Парфеньевского губного старосты то губным дьячком, то губным целовальником. Служащие Губной избы чаще сами берут с вотчины „свою годовую подмогу“ или „подможные деньги“, то все вместе, то каждый порознь. Как годовая подмога, так и сборы „на всякий губной расход“ взимаются со старост „по их мирской ряде и заручному приговору“.

1) № 38. 2) № 74. 3) № 121. 4) № 65. 5) № 351.

что говорит о добровольном характере обложения. В 1699 г. А. И. Мещеринов жаловался на эти сборы в Приказ Сыских Дел: „по указу в. г. и по Уложению с такого малого числа дворов¹⁾ крестьян в губные целовальники и в сторожи к тюрьмам имать не велено, а велено... имать з больших поместей и вотчин, за кем много дворов крестьянских, без подмоги“²⁾. Однако, хотя у А. И. Мещеринова и было всего 18 дворов, но и после царской грамоты о невзимании таких сборов, крестьяне вотчины по прежнему платили их. Размер их не поддается точному определению, так как сбор „во всякой губной расход“ взимался одновременно с „годовой подмогой“³⁾ с другой стороны часто не означает, сколько взято: „взято все сполна по их мирской ряде“. В 1659 г. на 167 ч. „на свечи и на бумагу“ взято по полугривне с четверти, на 168 ч. по 10 денег, в 1660—тоже, а „на дрова, на чернила и в тюремные крели“ по алтыну, в 1666, 1667, 1669, 1670—по 4 гривны с чети, 1678 г. „в строенье новую губную избу“ по 3 алт. 2 ден. Размер „годовой подмоги“ также крайне неустойчив. В 1659 г. губному целовальнику платили по 2 гривны с чети, 1660 и 1667—по полуполтине, 1669—по 4 гривны. Тюремному сторожу в 1659 г.—по 7 алт. 2 д., 1660—по полуполтине, 1666 г.—по полтине, 1667—по 15 алт., 1669 по 9 алт., 1674—по полуполтине. Палачу в 1659 г.—8 алт. 2 д., 1660—по полуполтине Соцкому в 1659 г.—по алтыну. За остальные годы данных нет.

Чрезвычайное военное напряжение петровского времени сопровождалось и чрезвычайным усилением „тягла“, появились новые налоги, а прежние под новыми формами были усилены.

В конце XVII века началась постройка флота, неизвестного древней Руси. А. И. Мещеринов был записан „в карабельном строении в складне в четвертом корабле“ „в кумпанство“ с соседом по вотчине с боярином кн. К. О. Щербатым⁴⁾. В 1697 г. думный дворянин Ф. А. Зыков взял „в карабельное строение четвертого корабля“ по полтине с двора, что с 90 дворов составило 45 руб., в августе того же года „в другой корабль“ по полуполтине—22 руб. 16 алт. 4 ден., в 1698 г. „в допологию к прежнему кораблю, который зачат строить в 205 г.“ по 2 гривны—18 руб. и „в другой корабль, в другой сбор“ по 10 алт. 3 ден.—28 руб. 21 алт. 4 ден.; в 1699 г. „в первой корабль“ опять по полуполтине—22 руб. 16 алт. 4 ден. В том же году взято в Володимирский Судный приказ с поместья Ильи Ив. Мещеринова с 18 дворов по полтине—9 руб. Наконец в 1700 г. на том же предмет взято с 18 дворов А. И. Мещеринова по 4 гривны с двора—7 руб. 6 алт. 4 ден. и такая же сумма с 18 дворов Ильи Ив. Мещеринова.

По возвращении Петра из за границы новопостроенный флот оказался негодным. Теперь с 1701 г. начинаются сборы в Приказ Адмиралтейских дел „на карабельную починку и на даю мастеровым людем“. В 1700—1708 г.г. на этот предмет вотчина Ильи Ив. Мещеринова платила по гривне с двора, что с 36 дворов по книгам 1678 г. составляло 3 р. 20 алт. на год. Кроме того, в 1698 г. Ф. А. Зыков взял „матросам на жалованье“ по гривне с двора—

1) Меньше 20. 2) № 224. 3) В 1666, 1670, 1671 г. 4) № 203.

9 руб. В дальнейшем И. И. Мещеринов сам платил деньги в Адмиралтейский Приказ и собирал их с вотчины вместе со своим оброком. Так в 1725 г. он требовал с Бухаринских крестьян доимку в Адмиралтейский Приказ 25 руб.

„Стрелецкий хлеб“ XVII века в Великую Северную войну превращается в ряд натуральных сборов: „адмиралтейский“ или „морской провиант“, „окладной провиант“, „генеральный провиант“, „Санктпетербургский и Рижский магазейны“. Так в 1716 г. на покупку „адмиралтейского провианта, масла коровья, мяса свиного, сухарей, гороху, круп“ взято—по 7 алт. по полтрети деньги с двора, а с 31 двора по книгам 1710 г.—6 р. 29 алт. полшесты деньги. На 1719 г.—по 9 алт. 3 ден. с полполденьгою, итого 8 руб. 28 алт. 3 ден. с полполденьгою. В 1720 г.—„на покупку масла коровья“ по 5 алт. с двора—4 руб. 21 алт. 4 ден. На 1721 г.—по 13 алт. 5 ден. с 36 дворов—14 руб. 31 алт. 2 ден. На 1722 г.—по 8 алт. 2 ден. с 36 дворов—9 руб. В 1718 г. на Тотье взято „окладного провианта“ с 31 двора „ржи по полуосмине с полумалым четвериком с двора, овса по тому ж“, т. е. около 16 четвертей (128 пуд) и с них „на житничное строение“ по 6 алт. 4 ден. с четверти. В 1719 г. на Толшемском устье уплачено „ржи по 1½ четверика, овса по тому ж“, всего „11 четвертей с осминою и с четвериком“ (93 пуда), с них „на житничное“ по 2 деньги и „на струговое строение“ также по 2 деньги с четверти. В 1720 г. „за провиант в Санктпетербургской и Рижской магазейны“ взято с 36 дворов по 1 руб.—36 руб., 1721 г. по 16 алт. 4 ден.—18 руб., 1721 же г.—5 р. 11 алт., полчетверти деньги с полуполуденьгою, 1722 г.—за мартовскую половину с 36 дворов по полтине 18 руб.

Если сбор „ратным людям на жалованье“ с нашей вотчины в XVII веке был взят только один раз, именно в 1637 г., то в начале Северной войны он распространяется и на те. Так в 1703—1705 г.г. взято было „ратным людям на жалованье драгунских полков“ в Приказ Военных Дел по 2 гривны с двора, а с 36 дворов 7 руб. 6 алт. 4 ден. на год, в 1706—1708 г.г. по полполтине с двора, итого с 36 дворов—9 руб. ¹⁾ Были и другие сборы на драгун: так в 1707 г. взято „на строеные драгунских немецких седел“ по 2 алт. 4 ден. с двора, в 1711 г. „на покупку лошадей и на фураж“ по 8 алт. 1 ден. 1½ полушки, с 31 двора, всего 7 руб. 23 алт. 4 ден. с полуполуденьгою.

В 1722 г. началась демобилизация фронта—оставлены были солдаты только первых 5, а Московской губ. 7 наборов, „а которые взяты после тех наборов, отсыланы по губерниям“. Демобилизованные следовали через „Галичскую станцию“. Туда же возвращались и дезертиры, которые были в бегах лет по 15, при этом было обычное в таких случаях безначалие и беспорядок. От этого времени мы имеем указ из канцелярии Рекрутского Счета в Галич „господам командирам, кому она правинция правлением ведать повелено“ ²⁾. Секретарь Галичской провинции Ив. Усков „много рекрутов отставил“ без соблюдения формальностей. Для следовавших полков требовались фураж и продовольствие, которые и взимались с местного населения. В 1723 г. в Парфеньеве образуется „Парфеньевский дистрикт“, где

¹⁾ В 1708 г. почему-то взято 10 руб., а не 9. ²⁾ № 374.

располагаются полки постоянной армии для содержания на счет местного населения. В Парфеньеве появляется новое учреждение „штабной двор“. В 1721 г. прапорщик Готовцев собирает по алтыну с деньгою и с полполденьгою, итого 1 руб. 4 алт., с полуденьгою „на дачу обретающимся лейб-гвардии полков“ на фураж. В 1722 г. на станции „Антушево“ уплачено „пратианта“ „на дачу ундер-офицерам и драгунам Тобольского полку“ по получетверику с двора, итого с 36 дворов 2 чети, 2 четверика круп. В 1722 г. на ст. „Аносово“ уплачено „на корм государевым драгунским лошадям фуража“ с 36 дворов „овса по 3 четверика с четвертью и с осмою и с 16 долями сена по 5½ пуд. с двора, а солома по указу“, а также „пратианта“— „муки ржаной по четверти четверика с 32 долюю, круп, что довелось взять, четверик“. В том же 1722 г. в Парфеньеве уплачено против доношения старост вотчин Стрешнева и Головиных „за пратиант и за харч, кой ели присланные за драгунскими лошадьми и надзиратели драгуны в помянутых вотчинах у крестьян их“ в 1721—1722 г. и „за наем онбаров и двора, на коем стоял господин поручик Матвей Арапов“ по 1 алт. 5 ден. с полполденьгою с двора—1 руб. 24 алт. полняты деньги и с полполуденьгою. В 1723 г. на станции в Парфеньеве уплачено „на корм пяти полков на лошадей 1 и 2 гренадерских, Московскаго, Санктпитебургскаго, Троицкаго, итого на 2465 лошадей“, овса по 1 пуду 39 фун. с двора, сена по 5 пуд. 15 фунт., итого 71 пуд. овса, сена 198½ пуда. В 1723 г. „штатного двора подрядчик“ взял с 212 душ вотчины Мещеринова по 3 деньги с души—3 руб. 6 алт., 1725 г. по 2 коп. с души—4 руб. 8 алт. В 1725 г. уплачено „Казанского гварнизона на Захаров пехотный полк, который за платою и квартирами определен в Парфеньевском дистрикте“, на 2-ю треть 1723 г. по 21 коп. с души—44 р. 52 коп.

Если в XVII веке „на городовое и острожное дело“ сбор был взят один раз в 1637 г., то при Петре, в связи с постройкой новой столицы, устройством каналов и пр. он превращается в тяжелую поставку „работных людей“. Так в 1709 г. по указу из Помесного Приказу было взято „от двенадцати с третьегонадесять двора“ с 50 дворов Мещеринова и Змеова 4 работника, а с оставшихся по 10 алтын с двора. В 1710 г. с 36 дворов Мещеринова и 3 дворов Змеова было взято в Петербург на 3 месяца 3 работника, а с остальных 36 дворов по 8 алт. 2 ден. с двора, всего 9 руб. В 1711 г. вместо работников, которых „велено взять на Двинку к городовому делу“, взято по 2 гривны с двора—6 руб. 6 алт. 4 ден. и в том же году „на жалованье мастеровым людям, которым быть в армии год нынешняго 712 г.“, по 4 алт. с деньгою с двора—3 руб. 20 алт. 1 ден. с 31 двора. В 1712 г.— по гривне с полуполуден. с двора—3 руб. 3 алт. 2 ден., да „другим работным людям“ по 1 алт. 1 ден. с полуполуденьгою с двора—1 руб. 4 алт. В 1717 г.—по 2 алт. с полденьгою с двора—1 руб. 31 алт. 1½ ден. На 1721 г. „вместо Санктпитебургских рабстников“ взято с 36 дворов по 13 алт. 1½ ден. с двора—14 руб. 10 алт. 2 ден. В 1722 г. „к строению и доделке Волхову и „Мсте“ с 36 дворов—„по расположению“, „х канайному делу“ с 4 дворов бес четверти двора по копейке, итого 3 алт., „к городовым

делам“ с 7 дворов по копейке—1 алт. 4 ден., наконец „на починку и строение першпективной дороги от Санктпитебурха до реки Волхова, на заготовление лесу и на наем работных людей“ по деньге с полполуденьгою с двора—7 алт. 4 ден.

Вместо Ямской гоньбы XVIII века появляются новые тяжелые повинности—*копейские поставки и „подводы“*. Так в 1706 г. кр. д. Федюнина, вотчины Г. И. Волкова, дал на себя расписку старостам вотчин Мещеринова и Змеова и своей—со 100 дворов „поставить на Москве или где в. г. укажет, лошадь добрую, за что он и взял по 6 алт. 4 ден. с двора¹⁾. В 1708 г. также с 36 дворов Мещеринова, 19 Змеова и 45 Головиной, всего со 100 дворов, „у Розряде драгунская лошадь на Преображенской и на Семеновской полки принята и отслана на станцию“²⁾. Наряд на подводы делался из приказа Земских Дел. В 1701 г. взято было с 6 дворов по подводе, а с 36 дворов Мещеринова 6 подвод. „И те подводы отданы солдацкого строю *мосору* Юде Кладовскому да порутчику Лаврентью Курту под фусси (ружья) и под лядунки. А по довозному письму в повоске те подводы были от Волдая до Новагорода и до Пскова в полку Федора Навикова“³⁾. В 1704 г. принято на Вологде с 10 дворов по подводе, с 36 дворов вотчины—3 подводы; оставшиеся 6 дворов были присоединены для отбывания повинности к 33 двoram вотчины Нарышкиной. „А по довозному письму те подводы были в повозке с Вологды до Москвы под новоприборными *сибирскими солдатами*“⁴⁾. В 1706 г. с 231 двора посада Парфеньева и разных вотчин взято с 25 дворов по подводе „и те подводы отпущены были для повоски (в) Военный приказ. А по довозному письму были те подводы в повоске до села Поречья под немецкими седлы“⁵⁾. В 1707 г. по грамоте из Ямского приказа взято „под артилерные и полковые военные и иные всякие припасы, которые изготовлены в Москве в прошлом 706-м и в нынешнем 1707-м годах, на наем подвод“ по 4 алт. с двора, итого с 36 дворов—4 руб. 10 алт. 4 ден.⁶⁾. В том же году было взято „вместо подвод деньгами на 1706 г.“ с того же числа дворов по такому же расчету еще раз 4 руб. 10 алт. 4 ден. В 1708—1710 г. „на наем подвод“ Парфеньевским воеводой взято было по 2 алт. с двора, итого с 36 дворов 2 руб. 5 алт. 2 ден. на год⁷⁾. Подводная повинность была особенно тяжела для крестьян потому, что их останавливали на заставах, где им приходилось платить за пропуск, а иногда реквизировали и повозки. От 1710 г. сохранился список с пропуска „генерала—маёра Верхгольца“ из Питербурха подводчикам, „которые были высланы с подводы с 60 дворов к Санктпитебурху, и оные подводы взяты на государя... и по подставам афицером и солдатам всяким чином пропускать тех подводчиков везде без задержания“. Далее следует список 5 подводчиков разных вотчин Галичского уезда⁸⁾.

Кроме этих крупных сборов и повинностей, были еще мелкие, изобретенные Петровскими прибыльщиками. Мы видели уже, что „верхосытный

1) № 281. 2) № 294. 3) № 218. 4) №№ 280 и 261. 5) № 275. 6) № 284. 7) №№ 293 и 300. 8) № 307.

оброк" XVII в. с 1704 г. уступил место налогу „с домовых пчельных заводов“. На 1711, 1712, 1721 и 1722 годы был взят в Парфеньеве „банный сбор“ с 25 бань по 3 алт. 2 ден. с бани или по гривне в общей сумме 2 руб. 16 алт. 4 ден. на год. В 1704 г. там же однажды по наказу из Семеновской Канцелярии был взят сбор „от мытья платья и от пятен вальков“¹⁾, с 36 дымов по 2 деньги с дымо, всего 3 алтына. В 1712 г. были взяты „презентарные деньги“ по полчетверте деньге с двора. В 1721 г. с выборного вотчины Савина Благодарева взято „за винное курение“ с куба мерою 5 ведер оброчных по 8 алт. 2 ден. с ведра да полведерных пошлин по 2 ден., итого 1 руб. 10 алт. Наконец в Цетровское время взимался со сборов канцелярский сбор то по 3, то по 5 денег на рубль: „по печатному сенатскому указу по 2 ден., Военного приказа по 1 ден., Архангелогородской губ. по 2 ден.“

Уже с 1710 г.²⁾ сборы начинают взимать иногда „за всякие окладные подати, что платили в разные приказы, и с новонакладными податями“³⁾ или „в общей платеж“⁴⁾. С 1723 г. после первой ревизии сборы взимаются уже не с чети или с двора, а с „души“⁵⁾. Подушная подать заменяет все предшествующие прямые сборы. В вотчине Мещериновых по ревизии 1719 г. оказалось 212 душ. „Восьмигривенных денег“ с нее полагалось на год 169 руб. 60 коп⁶⁾, а за сбавкою, вследствие обнаружения значительного числа утаенных при ревизии душ, несколько меньше. В 1739 г. на 2-ую половину года взято по 35 коп. с души—74 руб. 20 коп. (48 р. 40 коп. на год) и накладные на них расходы. В 1749, 1750 и 1752 г. с 256 душ на 2-ую половину года по такому же расчету 92 руб. 75 коп (185 руб. 50 коп. в год). В 1751 г. с 265 душ—по 32 коп. с души, на полгода 84 р. 80 к. (169 р. 60 к. на год).

Нам остается наконец сказать о самой тяжелой повинности, которую несло крестьянство в XVII и XVIII в. — о рекрутчине. Раннейшие сведения о ней восходят к 1675 г., когда А. А. Мещеринов поставил в Иноземский Приказ „вместо 2 старых даточных“ своей Галичской вотчины 2 новых. Эти „переменные“ даточные отправлены были в Севск. С Мещеринова при этом взята была поручная записка, „что ему тех переменных даточных поставить в Севске одежных и з запасы на ево, Алексеевых, подводах проводники до Севска, а о приеме их привести отписка“.⁷⁾ В следующем году севский воевода сообщил, что у провожатого человека, действительно, приняты 2 даточных с д. Бухарина.⁸⁾ В 1679 г. с 55 дворов д. Бухарина было взято „в пешие даточные“ двое „по указу с 25 дворов по человеку“. С переходом 5 дворов было взято по полтине с двора—2 руб. 16 алт. 4 ден.⁹⁾ Но настоящая рекрутчина началась лишь в XVIII в. с начала Северной войны. По скаске старосты А. Панкротова 1714 г., как мы видели, в разные наборы взято было с д. Бухарина 5 человек, Митенина 5, Своротилова 2, а всего с 31 двора вотчины 12 человек.¹⁾ Но это было не все, что поставляла в это время вотчина: около 1713 г. Илья Мещеринов писал в свою

¹⁾ Последнее слово читаем приблизительно. ²⁾ № 306. ³⁾ №№ 336, 363, 390. ⁴⁾ №№ 342, 353
⁵⁾ №№ 377, 390, 391. ⁶⁾ № 556. ⁷⁾ № 115. ⁸⁾ № 120. ⁹⁾ № 130. ¹⁰⁾ № 332.

Галичскую вотчину, что он „на Москве с вотчин своих губерней со 126 дворов драгун дву человек с лошадьми и со всем ружьем и с мундиром против указу отдал. Да им же дано денег на 4 месяца по 30 алт. человеку. Да с оставших дворов с 24 заплачено по полтине с двора“, ¹⁾ каковые расходы Мещеринов и спрашивал с вотчины. В последующее время рекрутчина стала для вотчины регулярной повинностью. Рекрутов требовали с определенного количества дворов, а впоследствии — душ. Так выше упомянутых драгун требовали с 50 дворов. В 1746 г. рекрут требовали со 171 души, 1747 — со 121 души, 1749 г. — со 190 душ. Поставка рекрут была серьезным делом в жизни вотчины, так как она на продолжительное время отнимала от хозяйства рабочую силу, а для самого рекрута, при продолжительности срока солдатской службы и тяжелой военной муштры, большим горем. Рекрут поставляли с вотчины „по государеву (помещицкому) указу и мирскому приговору“, ²⁾ делая поставку предметом обсуждения вотчинного схода. Помещик стремился отдавать рекрут от семейных, которые были и наиболее зажиточными. Так в 1739 г. в боярском указе указано: „Да отдавать бы вам солдат тотчас не мешкавши. А отдавать бы вам всеконечно от семейных. А у кого один сын имеетца, отнюдь не отдавать“ ³⁾ „Мир“ же обычно стремился отдать на службу элемент беспокойный, преступный и опасный для деревни, смотря, очевидно, на солдатскую службу, как на каторгу. Так в 1746 г. миром приговорили вести в рекруты 3 человек, „потому что люди они подозрительные“. ⁴⁾ Насколько „подозрительны“ были эти люди, видно на примере солдата Мартьяна Савельева: в 1707 г. крестьянин починка Зимнева Ив. Дорофеева „извещал“ старосту, что Мартьян вместе с 2 другими крестьянами „ношной порой приходили к нему на двор, ломились и поленья на двор бросали и рожнами в окна в избу кололи и его, Ивана, и детей его убить хотели и домишко его разорить хотели ж“. В избе у Ивана случился Инаволосной крестьянин-коновал, — „и его учюли и з двора его тащили“. Соседи были так терроризованы, что на крик детей И. Дорофеева вышел один „и его, солдата, отбивал“. Спасли только крестьяне соседнего починка Своротилова, прибежавшие на крик. На следствии о Мартьяне другой крестьянин Фома Ильин извещал старосту и целовалников „что он, солдат, сноху мою в поле ограбил, серьги и крест сорвал, ея опозорил, а меня и сына моего хвалитца зарезать и домишко мое зжечь и разорить“. ⁵⁾ В 1745 г. кр. Сава Иванов жаловался старосте и пятидесятникам на паслика Тараса Андреева, что он „мать свою родную, а мою жену, бил не на живот, на смерть“ и „будучи в поле на жниве, хотел убить ис полы грудами“. ⁶⁾ Когда в 1746 г. Тарас явился „на миру“, ему приговорили: „жить в доме своем смирно. А что по указу от государей наших велено ево, Тараса, отдать в некруты, и... ево в рекруты не отдавать, потому что время ушло“. ⁷⁾ Однако в 1749 г. его первым наметили и отдали в рекруты. ⁸⁾ Между намеченными в рекруты на сходе кидали жеребий, „кото-

1) № 533. 2) № 285; ср. № 529. 3) № 445. 4) № 481. 5) № 287. 6) № 480. 7) № 484. 8) № 498.

рого вести наперед на поставку". Его и отправляли в Галич. Если он не годился, вели другого; если и этот был негоден, вели следующего „верстаника“: ¹⁾ так в 1749 г. миром приговорили „вести в некруты“ 4 человек: „которые из них погодятца, тех и приставлят“: ²⁾ Но как ни тяжела была солдатская служба, жизнь в вотчине была не слаще. Вот почему иногда в рекруты находились охотники. Так в 1724 г. Бухаринские крестьяне дали на себя следующий приговор кр. Артемью Панкратьеву: „Сего вышешписанного числа посылаем мы, мирские люди, за охотником за солдатом, Алексеем Игнатьевым, провозать до Галича, а из Галича до города Архангельского. И ему, Артемью, в Галиче и у города при отдаче держ держать свою всю, и мундир на него купить. Да еще дали мы, мирские люди, ему, Артемью, на отправление пять рублей денег. Да платить ему, Артемью, долгу хлебного и денежного ево, солдата, посторонним и своим половину. И как он Артемей, его, солдата, до города проводит и отдаст из дому солдатского — половину заплатит, и сына ево, Симана Артемьева, в салдаты и Симоновых детей, ежели впредь будут салдаты, не отдавать и в жеребей не класть. И ежели и впредь будут салдаты испросят, по книгам ево, Симана, по расписке не оставить старостам, и нам, мирским людям, ево, Симана, во всем очищать... Також сыно ж ево, Артемьева, Нефедя и детей ево, Нефедовых, в солдаты не отдавать и в жеребей не класть же и ево самого, Артемья, во всем очищать“: ³⁾ Иногда вместо рекрута вотчина платила деньги: так в 1701 г. взято в Золотую Полату „за даточных“ по 6 алт. 4 ден. с двора, итого 7 руб. 6 алт. 4 ден. Иногда „мир“ в складку с другими вотчинами нанимал рекрута: так в 1719 г. староста кн. Козловского „принял в складку в рекрута в шестойнадесять набор“ старост Мещеринова с 31 двора, Змеова с 13 дворов, Бахтерекова с 3 дворов. „Рядил у них по 2 руб. по 6 алт. по 4 ден с двора. А наперед у них, старост, денег в задатку взял я, староста, 14 руб.“ ⁴⁾ За остаточные души также вносили деньгами: так в 1747 г. требовали рекрута со 121 души. С вотчины в 278 душ взято было 2 рекрута с 242 душ. За оставшихся 36 душ нужно было платить по 1 руб. 50 коп. с души, т. е. 54 руб. Таким образом рекрутская повинность превращалась в обыкновенную подать. Взятый в рекруты становился „государевым человеком“, на время как бы выходил из мира с его неумолимым обычным правом. Поэтому миру приходилось платить его долги: так в 1707 г. „вдовка Гурьяновская жена“ была челом И. Мещеринову: по заемной памяти следовало ей взять на Мартьяне Савельеве 40 алтынов, а за взятием его в солдаты, на его поручиках, которые не платят „до боярского указа“. И. Мещеринов указал на челобитней „тот вдовый долг 40 алт. заплатить всем миром“. ⁵⁾ Во время службы помещик иногда заботился о семье солдата: так в 1740 г. бригадир Дубасов по челобитью солдата Алексея Баранова указал, „чтоб сына ево в солдаты не отдавать и жену ево и других детей как можно снабжать, чтоб они не разбрелись врознь“: ⁶⁾ По окончании срока службы солдат

1) № 481. 2) № 498. 3) № 389. 4) № 348. 5) № 285. 6) № 447.

иногда возвращался в вотчину. Так в 1705 г. был дан следующий отпуск солдату Елизару Артемьеву: „1705—году, декабря в 5 день, по указу в. г. ц. и в. кн. Петра Алексеевича, в. в. и м. и б. Р. с., и по намотру надсмотрщика отъютанта Федора Богдановича Глебова, Галицкого уезда, Парфеньевской осады, Окологородной волости, стольника Ильи Ивановича с. Мещеринова крестьянин ево Елизар Артемьев д. Бухаринова из Галича (с) станцы (и) отпушен, и жить ему по прежнему в поместье помещика своего во крестьянстве. А он, Елизар, оставлен от салдатской службы и вышеписанного поместья прикащику и старосте и крестьянем вместо того оставного привести в Галич в даточные солдаты иног с переменою холостых и женатых в указные лета с (о) деждею и с хлебом и з деньгами по указу в. г. тотчас“. 1) Вышеупомянутый солдат Мартьян Савельев, взятый во 2-й набор и явившийся в 1722 г. из бегов в Галич на станцию, с 1723 г. тянет тягло с 1 алтына в починке Хорлушине, на что он имеет „государя своего указ“, 2) у него около 1740 г. имеется сын, на которого хотят прибавить тягла.

Итак в XVII веке Бухаринские крестьяне платили часто, платили много и несли разные повинности. Но тягло XVII века ничто в сравнении с тягостями Великой Северной войны, когда вотчину посетили еще хлебные недороды и скотские падежи. При той дробности сборов, какую мы видели, при неясности для нас единиц тогдашнего счета, мы не так конкретно чувствуем всю тяжесть этого тягла. Сама же вотчина отвечала на это убылью числа дворов, обнаружившейся в 1714 г., бегством крестьян от рекрутчины и от поборов. 3) Крестьяне бегут кто на Тотьму, кто на Вятку и живут там по 9, 10, даже 15 лет, как обнаруживает допрос в Парфеньевской канцелярии свидетельства душ в 1723 г. 4) В нашем архиве сохранился обрывок документа, повидимому, 1725—27 года, показывающий, до какой степени разорения дошли крестьяне Парфеньевского дистрикта после победоносной Северной войны. Из него видно, напр., что, несмотря на сбавку с души по 4 коп., „явлетца многая пустота такая, что во многих поместьях не токмо крестьян, но и самих помещиков не имеетца, и от скудости разбрелись в мир“, „многия крестьяне не токмо хлеба или скота на платеж подушных денег продать имеют, но и самим есть нечево“, „ис положенных на полки дистриктов многия помещики людей своих и крестьян свезли без указов в другия провинции, а других продали другим помещиком, а земли отдали во владение из оброков посторонним“, „многие написанные в подушную перепись от платежа тех денег бегут—русские за польский рубеж, а другие русские ж в татары, в башкирцы и в другие места, а иные в платеже являютца противны и посланных для понуждения и поставленных на заставах бьют до смерти и караулы разбивают“. 5) В 1726 г. выборный и староста вотчины доносили И. Мещеринову, что они по указу по многие времена и сходы оброк „правили на морозе розувши жестоким правством“, но выправили с великою нуждою 34 руб. „А ежели повелите, писали они: против указу доправить, и мы вашу господскую волю исполним: хотя и последние

1) № 274. 2) И. Мещеринова № 545, ср. № 374. 3) № 332. 4) №№ 318, 379. 5) № 562.

подкладные продадим, к вам, государи, исправим. А без повелительного указа зорить до основниия не смеем, понеже опасны, дабы себе не принять праведнаго от вас, государей, гневу". Всего бобылей, умерших, взятых в рекруты и беглецов за год в вотчине было 69 человек.¹⁾ Только к 1754 г. крестьяне д. Бухарина несколько отдохнули от небывалых тягот Великой Северной войны.

4. Крестьянский „мир“ д. Бухарина с деревнями в XVII и первой половине XVIII в.

В половине XVI века грамотами Ивана Грозного населению Московского государства дано было земское самоуправление. В Смутное время сказалося все значение этой реформы областного управления. Сплоченные посадские и крестьянские „миры“, привыкшие к государственной точке зрения и к самостоятельности, спасли государство от неминуемой гибели и конечного разорения. В наиболее чистом виде земское самоуправление сохранилось в XVII в. в Поморье, где не было помещиков.²⁾ Галичский уезд, в особенности его северная и северо-восточная часть; вплотную подходит к Поморью, а с 1710 г., после областной реформы Петра, и до 1778 г. Галичский уезд был и административно объединен с Поморьем в одну Архангелогородскую губернию, в составе которой он образовал Галичскую провинцию „с осадами“: Соьлгалецкой (Усольской), Чухломской, Судайской, Парфеньевской, Кологривской, Нейской и Унженской³⁾ с главным центром в Галиче и мелкими в „пригородах“. Если Поморье было классическим краем земского самоуправления, то традиции его должны быть крепки и устойчивы и в Галичском уезде. Но Галичский уезд имел и свои особые черты в прошлом, как уезд Замосковского края. Поморье совсем не знало крепостного права. В Галичском уезде было также много черных волостей, в особенности по Унже и Ветлуге, где служилое землевладение появилось только в первой четверти XVII в. Но наряду с этим было не меньше исконных помещичьих волостей и станов, как великокняжеская Дикургская волость в Галичском Заозерье.⁴⁾ Однако, ни в этих волостях, ни тем более в черных, крепостные отношения не могли сложиться по типу южных подмосковных уездов. Не в силу только экономических условий, как бедность почвы, а в силу привычки крестьян к самоуправлению, здесь не могло быть барщинного хозяйства, а могло быть только более легкое—оброчное. До половины XVIII в. по нашему архиву мы до некоторой степени и можем проследить

1) № 393. 2) М. М. Богословский Земское самоуправление на русском севере в XVII в., т. I, М. 1909. 3) Термин «осада» нигде более не встречается, кроме Костромского у. с осадами Любимской, Вуегородской и Кадыйской. А. С. Лаппо-Давылевский (op.cit) производит термин «осада» от глагола «осадить» в смысле «населить». Ю. В. Готье («Замосковн. край») полагает, что «осады» Галичского у. воспоминание о кровавой борьбе, которую вел Галич «беспрестанн» с «суговой черемисой» и «татарами» со времени первого упоминания о нем в летописях под 1238 г. и до конца XVI в., даже после завоевания Казани. Для защиты от частых набегов Галич и был опоясан венком из форпостов — «осад» с прилегавшим к ним районами. Оба эти объяснения соединимы, т. к. вековая борьба Галича и объясняется колонизационным стремлением населения за Унжу и Ветлугу. 4) А. А. Титов. Старинные волости и станы в Костромской стороне. М. 1909, стр. III—XV и 31—35; ср. «Архив Черевинных», акты 1515—1700 г. г.

борьбу земских начал самоуправления с началами бюрократического управления, как в Галичском уезде, так и в нашей вотчине.

В течении всего XVII века до 1698 г. в Галиче существует Галичская Губная Изба, ¹⁾ Галичские губные старосты и выборные сотные целовальники, собиравшие разные окладные сборы. Если первые были из состава местного дворянства, ²⁾ то вторые из крестьян разных вотчин: Свинына, Сытина, Щербатого, Колычева, а в одном случае в 1655 г. — Паисиева монастыря. Но наряду с Губной избой с 1634 г упоминается Галичская Съезжая или Приказная Изба, наряду с губными старостами — Галичские воеводы с подьячими³⁾. Несколько позже мы видим губных старост в Чухломской осаде: так под 1656 г. упоминается Чухломский Губной староста Нелидов Акинфий Федорович, под 1657 61 г. — Шанский Пимен Данилович. С 1659—1710 г. упоминается Парфеньевская Губная изба. В 1659—60 г. губным старостой в Парфеньеве был Рылеев Веленбат (+1669 г.), 1666 г. — Шанский Пимен Данилович, 1666—67 г. — Бартенев Иван Амосович, 1671 г. Головин Ермолай Лазаревич, 1673 г. Ахлябинин Семен Иванович, 1675—78 г. Невельский Афонасий Иванович, 1699 г. Котенин Михайло Елизарьевич. При Парфеньевской губной избе был целый штат служащих: губные целовальники, губные дьячки, сотские, тюремные сторожа, биричи, палачи или заплочных дел мастера из местных крестьян. Если губной староста не получал содержания, то указанные лица каждый год брали свою „годовую подмогу“ или „подможные деньги“ с Бухаринских крестьян „по их мирской ряде“ заручному приговору. На ряду с ними фигурируют „сытные сборщики“, „порядные сытники“ или „подрядчики“, которые с 1631 года по 1703 являются в Бухарино за сбором „чешуйного оброка“ с р. Неи и „верхосытного медового оброку“ с Ивашкова Бору и других ухотей. Это крестьяне соседних вотчин Водова, Мансурова, Щербатого, Нетесева, Титова, Хитрова, Лопухина, Головина. Так как они берут сборы также „по мирской ряде“, то, очевидно, это земские сборщики Парфеньевской волости или Парфеньевской осады. Посадские люди в Парфеньеве имели своего земского старосту, каковыми были в 1678 г. Евдоким Дубровин и Федор Иванов. ⁴⁾

1) № № 71, 216. 2) В 1639 г. губным старостой в Галиче был Свинын Ив. Филипович, 1640—54 — Шинкин Своитин, 1640 — Лазарев Вас. Яковлевич, 1641 — Черевин Андреян Ларионович и Кавезин Яков, 1655—56 — Белихов Василий Петрович, 1659 — Ворноволокков Нифонт Ив., 1662 — Кожухов Алексей Дмитриевич. 3) Вот список Галичских воевод, извлеченный из архива Б. С. избы: 1623 г. — Волошанинов Борис Никитич. 1626 г. — Лодыгин Гаврила Васильевич. 1629 г. — Хилков Петр Андреевич, князь. 1634 г. — Чичерин Григорий Петрович. 1635 г. — Кафтырев Еурдох Агеевич. 1637—38 г. — Щетинин Петр Иванович, князь. 1641—43 г. — Грязной Василий Тимофеевич. 1642 г. — Татищев Федор Алафонович. 1645—46 г. — Елетцкий Иван Семенович, князь. 1649 г. — Голочолов Семен Андреевич. 1651—52 г. — Оболенский Никифор Иванович. 1653 г. — Бутурлин Григорий Федорович. 1655 г. — Борщов Василий Ильич. 1655—56 г. — Чюфаров Степан Никифорович. 1659—60 г. — Ушаков Алексей Семенович. 1662 г. — Марков Сергей Васильевич. 1664 г. — Загряеский Кондратий Афонасьевич. 1665 г. — Вердеревский Игнатий Глебович. 1665—66 г. — Загряеский Кондратий Афонасьевич. 1668 г. — Мусия-Пушкин Артемий Антонович. 1670 г. — Нестеров Семен Михайлович. 1672 г. — Бердяев Афонасий Степанович. 1673—75 г. — Шаховский Федор Семенович, князь. 1676 г. — Рахманпов Порфирий Федорович. 1677 г. — Ардин-Нащонин Воин Афанасьевич. 1678 г. — Шейдаков Дмитрий Сатыльевич. 1679 г. — Бряндалинов Афонасий Борисович. 1679—80 г. — Кондырев Василий Борисович. 1683 г. — Ендауров Иван Иванович. 1682 г. — Языков Прокопий Федорович. 1695 г. — Апраксин Иван Иванович. 1697—98 г. — Титов Петр Парамонович. Ср. Е. Барсов: Списки городовых воевод, СПб. 1902, стр. 59—60. 4) № № 168 и 169.

Но стоило земской власти подвинуться ближе к нашей вотчине, как следом за нею появляется ближе и приказная власть. Уже с 1686 г. в Парфеньеве упоминается Съезжая или Приказная Изба. ¹⁾ В Приказной Избе свой штат—сыскных дел дьячек, верховые сторожи, которые наряду со служащими губной избы также получают свою годовую подмогу с вотчины. В 1711—12 г. г., с момента образования Галичской Провинции, Парфеньевский воевода называется комендантом, в то время как Новосильцов Алексей Яковлевич (в Галиче?) называется обер-комендантом. Под 1716—1717 г. г., наряду с ландратом Вадбальским Михайлом Степановичем, управлявшим Галичской провинцией, упоминается Петров Иван Петрович, комиссар. ²⁾ С 1728 г. воеводское управление в Парфеньеве было восстановлено, и под 1731 г. упоминается воевода Толмачев Лукеян. ³⁾ Только теперь Приказная Изба называется Воеводской Канцелярией, и штат в ней несколько иной: прапорщик, под'ячие, пищик, приходчик-копейист, отставные солдаты.

Как Галичская, так и Парфеньевская приказная изба, отличались алчностью и взяточничеством. Так в 1682 г бил челом Федор Мещеринов: воевода Ендауров посылал в его поместье под'ячих и россыльщиков в исцовых исках, и „те под'ячие и россыльщики бьют и разоряют. А в нынешнем во 190-м году в декабре приезжал из Галича под'ячей Якушка Романов с россыльщиками и пушкарями в Парфеньев—городок и крестьян ево на торгу переимали семи человек и посадили в тюрьму. А те де крестьяня ехали к нему к Москве и везли с собою оброчных ево денег шездесят рублей, и те-де деньги тот под'ячей у тех крестьян ево вымучил“. ⁴⁾ Вследствие этого воеводе запрещено было иметь крестьян и людей Мещеринова в Галич и посылать по них, „опричь татиных и разбойных и убивственных дел“, а под'ячего Якушку Романова выслать к Москве в Розряд тотчас безстрочно за поруками. В 1690 г. Иван Мещеринов жаловался на Парфеньевского воеводу Церфильева, что тот чинит его крестьянам „убытки великие“, почему судом и расправою велено было их видеть не Парфеньевскому, а Костромскому воеводе. ⁵⁾ Вот почему правительство не доверяет своим воеводам, которые слишком часто меняются, а иногда Галич, повидимому, остается и при одних губных старостах. Если некоторые сборы собирает воевода, то еще чаще их собирают выборные сотные целовальники, даже по приказу губных старост.

Еще более расцвело взяточничество в воеводских канцеляриях: так в 1726 г. Бухаринский „мир“ приговорил выборному и старосте по делу с крестьянами Водова: „ехать Галицкой Правинции к ассесору Никите Ивановичу Чагину и в почесть нести ему все наше мирское“. ⁶⁾ На одном до-

¹⁾ Первым Парфеньевским воеводой, который упоминается в нашем архиве, был в 1686 г. Загоскин Данило Никифорович, после него в 1690—91 г. Церфильев Иван Григорьевич, 1696—97 г. Чернегубов Аникей Степанович, 1697—1708 г. Котетин Никита Елизарьевич, 1702—03 г. Темирязев Яков Васильевич, 1708—Белелюбский Деметий Воинович, 1709 г. и позже—Черевин Данило Воинович. ²⁾ В 1720 г. комиссар Племянников, 1720—22—Перелешин Данило Федорович, 1723—Жабин Василий Никитич, 1725—Котетин Никита Елизарьевич. ³⁾ 1733—1735—за воеводу управитель Бартенов Гаврил, 1737—Чагин Петр. ⁴⁾ № 144. ⁵⁾ № 178. ⁶⁾ № 394.

кументе 1736 г. имеется такая припись: „августа в день ездили со старостой Кирилом в Парфеньев—подавать скаски—в почесть управителю барана взяли у Терехи за 9 алтын, крушка вина 4 алтына, калачей на 4 деньга, от доклада и хоженова 4 деньга, в канцелярии от письма Жукову 8 денег, Илье от отмены 4 алтына, 4 деньга. На вино выпросили Илья и Жуков 4 деньга, Климу за бумагу 4 деньга, капралу с товарищи 6 денег. Сами за тем делом будучи сантретей с'ели на 4 алтына“.¹⁾ В 1744 г. мирские люди в Бухарине приговорили: „перепищику и праперщику и подъячим полпуда меду до деньгами 1 рубль. Прапорщику меду батман,²⁾ деньгами 16 алт. 4 ден. Под'ячему Петру Мосееву и Петру Петрову по полтине“.³⁾ В черновом наброске без даты—„держ старосты Кондратя по делу Иванова сына“ в воеводской канцелярии занимает несколько страниц в четверку⁴⁾ Несмотря на свои недостатки, воеводская власть между 1700—1710 г. г. совершенно уничтожила земскую

Но в те годы, когда земские власти перестают действовать в Галиче и в Парфеньеве, в Бухарине между 1707 и 1712 г. неожиданно появляется Бухаринская Схожая Изба, где и сохраняются остатки земского самоуправления. В течении всего XVII века в Бухарине были мирские старосты, смеявшиеся ежегодно. Они обычно платили подати за вотчину, а также выступали в земельных спорах.⁵⁾ Под 1667 г. упоминается „целовальник Зиновей“, 1672 г. целовальник Матвеев Сенька, 1691 сотцкий Родионов Андрей. Крестьяне вотчины умеют объединяться с другими вотчинами Парфеньевского окологородья для уплаты сборов и несения повинностей. Отношение вотчины к помещику за это время совершенно неизвестно. Только из грамоты 1682 г. видно, что в начале 1680-х годов крестьяне д. Бухарина платили Ф. А. Мещеринову оброк в размере 60 рублей, который и возили ему в Москву,⁶⁾ да в одном раннем „боярском указе“ без даты Илья Мещеринов пишет о присылке указного числа рогож и кулей, „вменяясь за сукна и за овчины и за другие доходы, коя были с вас при отце моем браны,“⁷⁾ из чего видно, что и при И. А. Мещеринове были такие же порядки в отношениях вотчины к помещику, какие мы увидим позже. В боярских же вотчинах Галичского у., как напр. в вотчине Б. И. Морозова в с. Вознесенском в Заозерье или кн. Н. И. Одоевского в с. Покровском, Нейской волости, мы и в XVII веке видим такие порядки.⁸⁾

С начала XVIII века по нашему архиву мы видим следующее: Илья Иванович Мещеринов и его преемники не живут в Бухарине, где стоит только «двор помещиков; в нем приезжая живут прикащики». ⁹⁾ Помещик живет в Москве или в своей подмосковной—сельце Часовне, Спасское тож, Рузского уезда. Однажды Илья Иванович писал в свою вотчину: „а я к вам сам буду, кончая заговев на первой неделе великого поста“, ¹⁰⁾ но мы видим,

¹⁾ № 438, ср. 428. ²⁾ Батман—10 фун. ³⁾ № 467. ⁴⁾ № 564. ⁵⁾ Так в 1664 г. староста А. Водова Перфирий Иванов присутствовал при полюбовном размежевании земель А. Мещеринова д. Нового Починка и д. Калинына и Сафачева А. Водова.—№ 75, ср. №№ 128, 168, 169. ⁶⁾ № 144. ⁷⁾ № 539. ⁸⁾ Забелин И. Е. Большой боярин в своей вотчине. Вестн. Евр. 1872, т. т. 1 и 2. Арсеньев Ю. Близкий боярин Н. И. Одоевский и его переписка с Галичскою вотчиной. Чт. О. И. Д. Р. 1903, кн. 2, стр. 1—130. ⁹⁾ № 332, л. 3. ¹⁰⁾ № 528; ср. «я к вам сам буду после святых недели в скорых числах»—№ 327, ср. 529; «я буду сам к вам гости»—№ 329.

что это не более, как угроза, так как дальше он просит прислать оброк под страхом «пени большой» и „жестокое наказания“, „понеже нам ныне сказана служба“. На одном позднейшем указе мы видим помету: „Чернь. Село Рожественоя“. 1) Крестьяне Галичской вотчины Мещериновых сидят на оброке. Из Москвы или из своих подмосковных владельцы Бухарина, начиная с Ильи Ивановича Мещеринова, сносятся со своей вотчиной канцелярским путем, посылая туда „боярские указы“. Автором этих указов до половины XVIII в. был Иван Седов, 2) официальное звание которого остается не известным, так как все они написаны его рукой. Помещик же только иногда делал на них свои приписки, чаще только подписывался, и запечатывал небольшой сургучной печатью со своим гербом. Впрочем иногда указы исходили и от И. Седова именем помещика. Приведем для образца один из ранних датированных боярских указов:

„От Ильи Ивановича в Галицкую мою вотчину в деревню Бухарино з деревнями выборным и старосте и всем крестьяном.

Писано к вам преж сего [мно] гажды и велено, собрав оброшные деньги и столовой запас, прислать вам по самому первому зимнему пути, а именно к Николину дни. И вы огурством своим и по се число не присыловали. И за то вам учинено будет наказанья. А ныне послан к вам нарочно человек мой Никифор Степанов—велено ему, вышеозначенной запас и оброчные деньги собрав сполна, привести с собою неотложно к Рождеству Христову. И как к вам сей мой указ придет, а оной человек приедет, и вам бы по сему моему указу велеть оброшные деньги и запас столовой—грибы мелкие и большие, и грузди, и рыжики, и малину и лапти—собрать в скорых числах и прислать неотложно на вышеписанный срок с выборным или старостою и с проводниками. А будем вы на вышеозначенной срок с тем оброком и столовым запасом не приплите, и за то будет на вас доправлена пеня немалая и учинено будет наказанья без пощады. Да указал вам послать с указом моим в Вологодскую вотчину деревню Песей Погост крестьянина добраго, и велено ему собрать оброк, и с тем оброком тому крестьянину велите быть ко мне в Ростовскую мою вотчину в село Никольское, и послать того крестьянина при человеке моем“.

На обороте: «В Галицкую мою вотчину в деревню Бухарину з деревнями выборному и старосте и всем крестьяном“.

Помета: «1713-го году подан указ декабря 19-го дня. Подал указ Григорей Степанов». 3)

Боярские указы касались главным образом сбора и присылки оброка. Как мы видели, в 1682 г. этот оброк был 60 рублей с вотчины в 90 дворов. У Ильи Ивановича с 31 двора этот оброк должен быть меньше. Размер его не вполне поддается учету, так как его требовали часто без обозначения суммы „против прежнева“, крестьяне платили его частями и с доимками. В 1713 г. крестьяне д. Бухарина прислали И. И. Мещеринову всего 14 руб. оброку—возможно половину. В 1714 г. прислано было 30 руб. оброчных

№ 450, ср. 551. 2) № № 383, 448, 469. 3) № 325.

денег. В 1717 г. во вторую половину оброка было прислано 28 руб., в 1719 г.—30 рублей, половина оброка, 1722 г.—30 руб. без 16 алтын 4 ден. Таким образом при И. И. Мещеринове оброк не доходил, повидимому, выше 60 руб. в год.

Но, кроме оброка, помещик требовал еще иных сборов. Так в 1713 г. И. И. Мещеринову было прислано 10 руб. „за отдачу драгун“. В 1714 г. И. Мещеринов требовал „доимочных в Адмиралтейский приказ“ 22 руб. 23 алт. 2 ден., в 1717 г. „корабельных денег“, в 1723 г. доимочных в Адмиралтейский приказ 25 руб. В 1714 г. вместе с оброчными было прислано 3 руб. „кунишных“. „Кунишные деньги“ были получены также в 1715 г., а в 1730 г. „выводные деньги за девок“ в сумме 3 руб. В 1714 г. оброка не платило 16 человек на общую сумму 7 руб. И. Мещеринов указал, собрав недоимщиков на сход, выбрать из них 7 человек в работники к нему на его хлебе и харче для присылки с ростовским крестьянином, а остальным крестьянам помогать им во всякой работе.¹⁾ В 1715 г. в октябре было отправлено обратно в вотчину 10 человек работников.²⁾ В 1717 г. указано было отпустить в работники 20 человек в Ростовскую вотчину на 1 месяц под угрозой доправки с каждого человека по 5 руб. с пенєю.³⁾ В 1720 г. было указано прислать 20 человек работников по ряду каждому по 4 руб. на 2 месяца. Прислано было 10 чел. и 10 не выслано „от покаровки“. Работники были возвращены, так как часть рядных их денег по 1 руб., итого 10 руб., были взяты на наем работников в Москве, а остальные 30 р. приказано было прислать с оброком,⁴⁾ и приказ этот был повторен.⁵⁾ С тех пор эта повинность превращается в сбор. В 1722 г. указано было выбрать плотников 10 человек „для строения дому в подмосковной вотчине с Часовне“. ⁶⁾ Но еще раньше было указано собрать 40 руб. на наем работников, „а в присылке 10 руб.⁷⁾ В 1723 г. указано было собрать за работников 40 руб.⁸⁾

Кроме оброка, с вотчины требовался еще „столовой запас“. Если в боярских вотчинах Морозова он собирался мясом, гусями и т. п., то в лесном Галичском уезде эти продукты заменяли „грибы мелкие и большие, и грузди, и рыжики, и малина“. Неизвестно, велик ли был грибной и ягодный оклад. Один только раз выражено неудовольствие, что эти продукты присланы „все понебольшому“ ⁹⁾ да другой указано «и те суды (судна) присылайте полные». ¹⁰⁾ Эта повинность ставила иногда вотчину в трудное положение. В 1714 г. И. И. Мещеринов указал: „а рыжиков самых добрых вам промыслить“ ¹¹⁾. „А рыжиков, государь, отвечали ему крестьяне: не родилось и купить наспросать не могли“ ¹²⁾. К грибам и ягодам присоединялись изделия из лыка — „лапти“, „кули“, „рогожи“. Относительно первых И. И. Мещеринов раз указал, „чтоб были больше руки и чтоб были ковырены не в одноцепку“ ¹³⁾. Кули и рогожи были посылаемы „вменяясь за сукна и овчины“, которые платились при И. А. Мещеринове. В 1714 г. указано было пред-

1) № 331. 2) № 337. 3) № 343. 4) № 352. 5) № 354. 6) № 366. 7) № 364. 8) № 381. 9) № 530. 10) № 537. 11) № 329. 12) № 330. 13) № 531.

ставить «30 кулей, 30 рогож»¹⁾. С 1716 г. последний сбор был заменен деньгами по 2 руб. на год, а с 1720 г. „за окутку рядных рогож“ стали спрашивать по 5 руб. В 1716-м-же году И. Мещеринов обложил свою вотчину по 5 алт. с тягла „на покупку саженных дров на Москве“²⁾, а в 1718 г. ему пришла в голову оригинальная мысль—„со всех крестьян взять на меня против переписных книг с тридцети со шти дворов з двора по теленку и пригнать их в Ростовскую мою вотчину в село Никольское сентебря в последних числах и отдать их в целости“³⁾. Этот оригинальный указ поставил разореную вотчину в трагикомическое положение: „А у нас, сирот, писали крестьяне: на скот были три падежа, и ныне есть во многих местах падеж же. А нам, сиротам, за скудостью купить невозможно и не на что, так-же и дѳроги. А и спрашивали в разных волостях и наспрошать не могли, а своих нет“. „Пожалуй нас, сирот своих, от такого окладу, для того что столько телят не набрать и взять негде“. На этом челобитье Мещеринов указал: „Ныне телят со крестьян не брать, а вместо тех телят собрать со крестьян с 36 дворов по полтине с двора деньгами, и те деньги 18 рублей прислать к Покрову... И с сего числа впредь в третьей год во оное же число, сбирая, присылать теляты или деньгами против вышеписанного числом на покупку тех телят“⁴⁾. В 1720 г. ему пришла новая, не менее оригинальная фантазия: „молодых медветков привести“⁵⁾. В 1721 г. он повторил это требование: „А медведка купя, прислать в великий пост с оброком неотменно“⁶⁾. Таким образом с разоренной Галичской вотчины оброк нечем было взять, как только медвежатами!

По смерти И. И. Мещеринова оклад вотчины продолжал расти и год от году становился тяжелее. В 1737 г. указано было „сбирать с крестьян оброчные деньги все сполна без доимки, а именно собрать оброчных денег 100 рублей“⁷⁾. Но уже в 1744—47 г.г. 100 рублей было уже половиной оброка⁸⁾, а годовой оклад вотчины был 200 рублей⁹⁾. В 1753 г. оброк за первую половину года был уплачен в сумме 106 руб. 81 коп. Таким образом за короткое время с 1713 по 1753 г. оброк с 28—30 руб. вырос до 200 рублей слишком. При этом другие сборы не были забыты. В том же 1737 г. вместе со 100 руб. оброку указано было собирать „также грибы нитошные, чтоб были самые мелкие, и грибы тяпочные, и грузди, и рѳжики, и малину против прежних лет“¹⁰⁾. В 1740 г. указано было: „да прислать сто обувей лаптей, чтоб были половина средних, а другая половина небольших обувей“¹¹⁾. Кули и рогожи были забыты, но зато теперь стали требовать сукна и холсты: „А которые сукна велено вам отправить, и те сукна привести вам с собою сполна 40 аршин“, указано в 1739 г.¹²⁾, а в 1740 г. „также положенные по нашим указом сукна и холсты, собрав все, привести“¹³⁾. Сбирались, как и прежде, „кунишные деньги“ или „выводные за девок“, а вместо денег за драгун или в Адмиралтейский Приказ деньги за рекрутов. „Да прислать бы вам, писано в 1737 г., те деньги, ко-

1) № 538. 2) №№ 337, 340. 3) № 636. 4) № 345. 5) № 352. 6) № 358. 7) № 444.
8) №№ 471, 474. 9) № 493. 10) № 444. 11) № 449. 12) № 445. 13) № 450, ср. 447.

торые принимали в рекрута в складку и выводные деньги за девок¹⁾, а в 1741 г. велено прислать „приемные в рекрутскую складку деньги прошлого набору и нынешняго... Да прислать же выводные за девок деньги, также сукна и холсты“²⁾. В 1742 г. приемные в рекрута деньги 1741 г. да складни 1742 г. за 30 душ достигали 68 руб.³⁾. Не забыты были и работники: еще в 1730 г. Татьяна Адриановна приказала: „были б у вас плотники в готовности, а имянно 20 человек с своим хлебом, или бы на наем плотников денег 100 рублей, для того что на Москве плотники весьма дороги“⁴⁾. В том же 1730 г. Василий Мещеринов писал: „да указали мы для строения московского нашева дому прислать от вас к нам в Москву плотников умеющих людей крестьян 15 человек на вашем коште... А ежели они, крестьяне, сами в плотники быть не похотят, и тебе б велеть собрать с них деньгами 50 рублей“⁵⁾. В 1735 г. „велено от вас выбрать из крестьян наших в плотники 20 человек добрых и умеющих в Москву для строения дому нашева московского и чтоб у тех плотников были б топоры и долота и скобели и чтоб те плотники умели б отправлять чистою работою. А им, плотникам, указал собрать подмоги со всех крестьян к той работе по 3 руб. человеку и быть им, плотникам, на своем хлебе“⁶⁾. Последний раз плотники требуются с вотчины в 1748 г.⁷⁾

Оброк и столовые запасы обычно отправлялись на два срока: 1) „по первому зимнему пути“, „кончая к Николину дни“, или „кончая к Рожеству Христову“ и 2) „кончая заговев на первой недели великого поста“, т. е. по последней санной дороге, а один раз— „кончая к Светлому Христову воскресению“⁸⁾. Но иногда приказывали уплатить в один раз сполна. Так в указе 1739 г. написано: „А что вы пишете и вымышляете, чтоб вам оброк платить на два срока, и то вы бездельничаете, чего искони не бывало, а вы то ныне заводите, и вам бы то оставить те шалости, чтоб платить надвое. Конечно собрать все сполна и прислать бы вдруг, кончая к Николину дни“⁹⁾. Точно также в 1747 году было „велено собрать оброку для ускорения в 200 рублей обе половины купно и прислать“¹⁰⁾. Доставлять оброк и столовый запас нужно было „не отымаясь ничем ни для чего“, „не замошгав“, „конечно сполна“. Недоставка в срок или несбор сполна рассматриваются, как „нерадение и оплошка“, „покаровка“, и вотчинным властям за это грозит обычно „жестокое наказание“, „пеня большая“, „штраф немалый“ „безо всякого милосердия и пощады“. Так в 1714 г. Илья Ив. Мещеринов грозит за неисполнение указа и сборе и доставке оброка: „доправлена будет пеня с наказанием, а вышписанные деньги доправлены на всех крестьянех вдвое“¹¹⁾, а в 1723 г. „те деньги будут доправлены мимо крестьян на вас“¹²⁾. Такие угрозы иногда, действительно, и приводились в исполнение. Так в 1722 году был доправлен на выборном штраф в 5 руб.¹³⁾, а в 1741 г. на мирском приговоре подписано было господскою рукою, „что до-

1) № 444. 2) № 451. 3) № 457. 4) № 422. 5) № 423. 6) № 435. «Да указали мы собрать на строение московского нашева дому денег 60 рублей, для того что вы о нашем разорении ни о чем не сведаны» там же, ср. № 445. 7) № 496. 8) № 534. 9) № 445. 10) № 494. 11) № 334, ср. 352. 12) № 382. 13) № 364.

править по рублю с человека¹⁾. Вотчинные власти правили поэтому оброк со всею жестокостью: так в 1726 г. оброк правили „на морозе розувши жестоким правежом“.²⁾ Иногда же для сбора оброка присылался „боярский крестьянин“ из с. Никольского, Ростовской вотчины, который объявлял боярский указ на миру и присутствовал при правеже. Так в 1713 г. был прислан Назар Новиков,³⁾ Степан Иванов⁴⁾, 1714 г.—Андрей Кузьмин⁵⁾, 1716 г. Иван Ларионов⁶⁾, 1723 г. Родион Титов⁷⁾. Присланного вотчина обязывалась кормить и давать ему на дорогу хлеба или денег⁸⁾. Оброк и столовый запас доставлялся сначала в Ростовскую вотчину Мещериновых, а позднее с 1730 г. прямо в Москву на крестьянских подводах и с провожатыми. Так в 1714 г. присланному велено было „взять у них подводы и провожатые, сколько человек пригож, ехать в Москву немедленно“⁹⁾ „взять сани у крестьянина Миняя и вам бы велеть дать ему грибы“¹⁰⁾. В 1737 г. указано „быть тебе, выборному, с оброком самому к нам в Москву“¹¹⁾, в 1740 г. „привести тебе, выборному, самому“¹²⁾, в 1742 г.—выборному с 4 крестьянами „лучших людей“¹³⁾. Оброк присылался при „доношении“ о состоянии вотчины и „отписке“¹⁴⁾

Оброк тяжелым бременем ложился на вотчинных крестьян, истомленных государственным тяглом, в особенности в годы, когда вотчину постигали какие нибудь стихийные бедствия. Так в 1714 г. Бухаринские крестьяне били челом И. И. Мещеринову дать сроку в последней половине оброка, а доимочные заплатить за них: „государевых податей спрашивают по 2 р. 29 алт. 2 ден. с двора и в том платеже крестьяне сидят и стоят в Парфеньеве на правеже, хлеб не родился, а скот припал“¹⁵⁾. В том же году 5 крестьян с товарищи просили пожаловать их боярским оброком, который не дослан с них по росписи: „Выборный нас, сирот, из оброку твоего боярского бил на правеже смертным правежем без милосердия“. В случае отказа, писали крестьяне, им „воистинно от правежу выборного отбыть податей государевых“. „А мы, сироты, оскудали не от твоего боярского оброку—от хлебной недороды и от скотского падежу, и ныне нам государева и твоего боярского взять не на чем и пить и есть нечего“¹⁶⁾. В 1725 г. выборный и староста доносили И. И. Мещеринову: по присланному указу велено „собрать оброк сполна да за работников деньги, да на строение двора, також столовой запас, да за лапти деньгами“ и прислать в скорых числах. Выборный с товарищи при присланном били по многие сходы на правеже, но выправили с великою нуждою „с кого мало-мальски“ всего 48 руб. 80 алт. „А с других крестьян выправить ничего не могли, для того что скудны, скитаютца многие в мире от хлебной недороды, не токмо в государевы подати или в твое боярское с них взять, но и есть нечего“. Куничных денег послано было 2 р. 16 алт. 4 ден., за лапти деньгами 2 руб., а всего 52 руб. 20 алт. 2 ден. Даже столового запаса послано всего 2 пуда

1) № 488. 2) № 393. 3) № 327. 4) № 328. 5) № 330. 6) № 339. 7) № 381. 8) №№ 334, 339, 387. 9) № 333 ср. 334. 10) № 329. 11) № 444. 12) № 450. 13) № 457. 14) «И то у них против вашей отписи принято, а оной староста и с проводники отпущен возвратно»—№ 423, 1730 г. 15) № 330. 16) № 335.

тылочных грибов, ниточных 2 пуда, малины да рыжиков кадочка, груздей кадочка да ведро¹⁾. „И то промыслили с великою нуждою—ездили по другим волостям“. В указе было напратить серых сукон: „И мы, сироты, таких сукон не промыслили того ради, что в нашем Парфеньевском уезде овцы припали; також и по волостям ездили и промышляли и не промыслили“²⁾. Пощады в правеже оброка не было. „А от выборнова по твоему боярскому указу жалованья ждаты нечево—на правеже забьет“, писали крестьяне в 1718 г.³⁾ Только в указе Ильи Ильича от 1753 г. читаем: „просили нас погорелые крестьяне,⁴⁾ чтоб с них первой половины оброчных денег 11 р. 20 к. не брать, что им и упушается“⁵⁾.

Помещик был также попечителем своей вотчины, защищавшим ее от всяких обид и притеснений. В 1713 г. крестьяне И. И. Мещеринова сидели в городе. Мещеринов указал старосте сходить к воеводе, чтоб крестьян с приказу освободить. Если не освободит, о том писать и кто челобитчик⁶⁾. Начиная с 1720 г. крестьяне ходят к Мещеринову с челобитьями, как к своей высшей судебной инстанции. Обычное наставление „вотчинным правителем“ в указах: „конечно б вам жить бережно и крестьян от всяких случаев оберегать“⁷⁾. „А от гратцких крестьян вам беречь, чтоб ни от кого изобижени не были“⁸⁾. „Конечно б вам жить бережно и вотчину мою от всякого дурна оберегать и, будет какие случатца нужные дела, о том ко мне писать с подлинным известием“⁹⁾. И т. д.

В своей внутренней жизни вотчина была предоставлена самой себе, и мы наблюдаем здесь в первой половине XVIII в. пережитки земского самоуправления XVI-XVII века.

Центром этого мирского самоуправления была Схожая Изба, находившаяся в деревне Бухарине, первое известие о которой относится к 1707 г.¹⁰⁾ Население вотчины разделялось на „столовых людей“ и „мирских людей“¹¹⁾ или „всех крестьян“¹²⁾. К столовым людям относились выборный, впервые упоминаемый под 1712 г.¹³⁾, называвшийся иногда по голландски „бурмистром“¹⁴⁾, староста, выборные целовальники, пятидесятники и порядный земский дьячек, названный однажды также „земской“¹⁵⁾ и „писарь“¹⁶⁾. Выборный, как показывает самое название, был выборным представителем мира для сношений с помещиком и с властями. Так в 1735 г. велено было „всем миром выбрать в выборные или в бурмистры ис крестьян наших человека доброва, ныне скуднава, что кто мог в вотчине нашей и гратцкие дела отправлять и от всяких обид охранять“¹⁷⁾. Но иногда выборы заменялись назначением от помещика. Так в боярском указе от 1730 г. написано: „Да указали мы быть в вотчине нашей в деревне Бухарине з деревнями выборным крестьянину нашему Лукею Савельеву, и вам бы ему всем крестьяном во всем по указом нашим быть послушным и ни в чем не прекословить“¹⁸⁾. Выборный правил вотчиной по особым „пунктам“ или „инструкций“¹⁹⁾, которая до нас не дошла. Это, так сказать, конституция вотчины.

1) № 542. 2) № 345. 3) 7 человек. 4) № 517. 5) № 327. 6) № 328. 7) № 331. 8) № 529, ср. 358, 354, 413, 423. 9) № 288. 10) № 421 и др. 11) № 326 и др. 12) № 326. 13) №№ 423, 435 и др. 14) № 495. 15) 456. 16) № 435. 17) № 423. 18) №№ 423, 437 и др.

Но так как вотчинные порядки в Галичском уезде были приблизительно везде одинаковы, то мы можем составить о ней представление по инструкциям того же времени других вотчин. Приведем здесь инструкцию 1732 г. вотчины В. Салтыкова сельца Ильинского на реке Унже, к сожалению, не сохранившуюся в первых семи пунктах¹⁾.

„Оклад Галецкой вотчины села Ильинского, по чему в год с крестьян собирать, а имянно: оброшных денег тридцать шесть рублей, на приказные расходы четыре рубли, на расход к домовым делам один рубль, итого денежного дохода сорок пять рублей. Грибов нитошных три пуда, рыжиков мелких четыре ведра. И вышеписанной доход присылать генваря к первому числу бездоимочно конечно.

Валадимер Салтыков.

Дана в Москве июня 20 дня 1732 году.

8. В отъезд из вотчины крестьяня без ведома старосты никуды отнюдь бы не ездили. А ежели кто куды поедет, то старосте и выборному давать проезжия письма. И ежели кто куды поедет без ведома, то таковых на сходе бить батоги и спрашивать, куды и зачем ездил.

9. Ежели крестьянин в чем явитца виновен, то старосте и выборному, собрав сход и объявя всем его вину, и бить батоги нещадно. А одному старосте и выборному без сходу не бить.

10. Когда будет набор рекруцкии, то отлавать таких, которые в вотчине непрощны были. А буде таких не случитца, то давать в складку деньгами.

11. Старосте и выборному напрасно для взятков или по сердцу на крестьян не нападать и взятков ни от какова дела не брать. А ежели сыщется, что староста и выборной что с ково возьмет или о чем ково нападками обидит, то возьметца с него вдвое и наказан будет жестоко.

12. Старосте и выборному иметь две книги—одну приходную, а другую расходную и записывать в приходную всякой прием и протчева, что принять случитца, а в расходную писать расход, что и куды и которова месяца и числа издержано или послано с кем денег или чево инова имянно.

13. Собирать с крестьян подушные деньги и наш оброк выборному, а старосте смотреть, чтоб лишнева со крестьян не собрано было, и по зборе исчезь выборнова по мирскому приговору.

14. Старосту и выборнова выбирать всем миром, и ково выберут, брать за руками выбор.

15. За девок и за вдов бездетных, ежели которая пойдет замуж в чужую вотчину, брать выводу.

16. Ежели крестьяня которые похотят переделити землю или поровнять тяглы, то одному старосте или выборному не переделывать и тягол не сымать и не накладывать, а чинити то всем миром сообща.

¹⁾ Вывезена нами в 1918 г. из ус. «Патшино» в составе архива Куприяновых из Солигаличского у. «Папка с материалами по сельцу Ильинскому», № 13.

17. Ежели с которого крестьянина против окладу взять сполна за скудостию будет невозможно, то о таковых присылать по зборе того оброку ведению за руками того села священника и за руками старосты и выборнова и всех крестьян, что тот, с ково недобрано, подлинно скуден и взять с него невозможно.

18. Которые наши крестьяне будут друг на друга в обиде бить челом, и такие обиды меж ими сыскивать и давать управу старосте и выборному при мирских людех. А в Москву ни к нам, ни в дом наш с таким челобитьем отнюдь не допускать; разве с такими челобитными, по которых развести невозможно. А ежели з бездельным делом с таким, которое рассмотреть и развести возможно старосте и выборному, явитца здесь челобитчик, наказаны будут жестоко.

19. Исполнять старосте и выборному и всем крестьяном по вышесписанным пунктам непременно, не отписываясь в Москву, в дом наш, разве чево в сей инструкции не написано. И по сей инструкции будет староста и выборной свидетельствованы и спрашиваны, все ль исправно по сим пунктам, также и все-ль по окладу собрано с крестьян; которой оклад при сем прилагаетца. А ежели староста и выборной явитца в чем по сей инструкции неисправен, то наказан будет жестоко.

Полстная скрепа: Валадимер Салтыков“.

Основной пункт инструкции вотчины Мещериновых—это полное послушание выборному, как самому помещику. „А что вы пишете, чтоб не быть выборному, писано в указе 1739 г.: и вы, не доложа нас, да ево не стали и слушатца. И то вы не ево не слушаете, нас не слушаете, и за то наказаны будете жестоко и штраф за ослушание заплатите“¹⁾. В 1736 г. приказано „служители“ Исаю Андрееву приказано в Схожей Избе объявить крестьянам, „чтоб они бурмистру нашему Исаю Тимофееву во всем были послушны под опасением жестокаго наказания. А бурмистру нашему Исаю Тимофееву содержать вотчину нашу, как надлежит доброму человеку и виновных наказывать и смирять, смотря по делом, к нам не отписыватца. А ежели кто ис крестьян наших владет в великие продерзости, таковых взяв, держать под караулом“²⁾. В 1735 г. выборный писал помещику: „В осьмом пункте написано: ежели паче чаяния во оной вотчине староста и мирские люди в чем будут противны и непослушны и по данной мне, холопу вашему, инструкции исполнять не будут, и велено взять ис той вотчины 10 человек самых лучших людей и привести к вашей светлости в Москву“³⁾.

Выборный объявлял на сходе боярские указы и, вероятно, руководил им, принимал челобитья крестьян на имя помещика и разбираал в вотчинном суде крестьянские „обиды“, правил боярский оброк и столовые запасы и иногда сам отвозил его в Москву и отвечал перед помещиком за вотчину. От имени помещика в 1737 г. выборный „к А. Бахтерекову, на Креньково в двои краты ездил и торговал на господина своего“ д. Креньково и Калинино, пустоши Березино и Переваркино, сторговал за 317 руб., в задатку

10 руб. отдал и крепость с подтверждением взял¹⁾. В 1712-1722 годах выборным был Савин Савельев Благодарев, в 1724 г. Никита Агафонов (за выборного), 1727-1729—Исай Тимофеев, 1730-42—Лукей Савельев, 1742—Петр Гурьев (за выборного), 1746-1753—Лука Исаков, в 1754—Мартьян Семенов.

В ближайшем послушании у выборного был вотчинный староста. Эта должность была более древней, чем должность бурмистра, и если крестьяне иногда не хотят, как мы видели, выборного, то староста стоит на миру крепко. Эта должность также была выборной. Так в 1744 г. во Схожей Избе крестьяне приговорили: «по указу господина нашего написано на имя старосты Якима Спиридонова оброк и протчее збирать бездоимочно. И мы, мирские люди, ево, Якима, сменили, а вместо ево, посадили в старосты Луку Исаева, что он совести доброй и по указом за градскими делами ево будет»²⁾. Эта смена старост и выбор новых были ежегодно, так как почти каждый год мы видим нового старосту. Основная роль старосты—это платеж и сбор поватей. В отписях, начиная с XVII в., почти всегда говорится „деньги платил староста его (вотчинника) такой то“. Он же собирал и платил натуральные сборы XVII—начала XVIII в.—рожь и овес, а впоследствии и другие запасы. Старосты разных вотчин еще в начале XVIII в. вступали между собою „в складку“ для отбывания разных повинностей: поставки лошади доброй³⁾, работных людей⁴⁾, подвод, а впоследствии рекрут. Он же правил оброк с крестьян и столовые запасы, а иногда ехал с ними в Москву к помещику⁵⁾ вместе с проводниками. Он отпускал девок замуж в другую вотчину и брал за них „кунишные деньги“⁶⁾. Наконец он отправлял „градские дела“, то есть ходил по разным присутственным местам по делам вотчины в Парфеньев и Галич, подавая от себя челобитья и прошения, и вообще имел сношения с властями. Ежегодно производился учет старост. Так в 1714 г по доношению кр. Семена Емельянова И. И. Мещеринов указал „учинить сем схот и прежних старост по книгам и отписям солдатским в приемных дворах и в деньгах и в отдаче людей счесть в сущую правду и по шету на старостах и на выборных и на сборщиках те деньги взять“⁷⁾. От 1747 г. сохранился следующий акт: „1747 г., генваря 9-го дня, государя своего Ильи Ильича во схожей избе сщещики Кирило Емельянов, Ларион Тимофеев, Клим Кирилов, Нефед Артемьев считали старосту Мартьяна Семенова по приходным и расходным книгам со окладу с 40 рублей со 6 алтын в 30 оброков. Надлежит в приходе 125 рублей, 13 алт. 2 деньги. Да занято у Ивана Игнатьева 2 рубля да у Кирила Кирилова занет 1 рубль. Да прёжних книг учтено на нем, старосте, 4 руб. 1 ден. Да Петру Гурьеву зачитал солдацких денег 2 руб. 3 алт. 2 ден.—сто тридеть четыре рубли 13 алт. 3 ден. Не евилось в расходе у старосты 4 руб. 29 алт. полпяты деньги“⁸⁾.

Выборные целовальники упоминаются еще в 1680 и в 1707 г.⁹⁾ На мирском сходе они подписывали приговоры „по всех мирских людей ве-

1) № 443. 2) № 471. 3) № 281. 4) № 320. 5) №№ 423, 475. 6) № 440. 7) № 529
8) № 459. 9) № 285.

ленью". Они присутствовали на вотчинном суде вместе с выборным и сыскивали ответчиков. В земельных спорах они ходили досматривать и обмеривать земли. Словом они были совестью вотчины в её делах.

Выборною же должностью были пятидесятники, сменившие, видимо, соцких XVII в. и десятских начала XVIII в. Так в 1750 г. крестьяне приговорили: „велено на бывших пятидесятников выбрать других пятидесятников.. Быть об одном выборном и старосте, да к ним дать вспоможение три человека целовальников, что им отправлять всякие мирские дела¹⁾. Роль их была полицейская, возможно, даже правительственная.

Так в 1729 г. десятский Ларион Емельянов говорил в вотчинном суде: „А мне Лариону, повелено было Е. И. Величества по данной инструкции, всякие ссоры ведать, дабы их не было, и весьма пресечь, понеже я, Ларион, определен по той инструкции в десятския“²⁾. Они же иногда сопровождали в Москву в качестве охраны обоз с боярским оброком и столовыми запасами³⁾.

Порядный земский дьячек вел делопроизводство схожей избы: писал приговора, челобитные от крестьян к помещику, судные дела и приговоры, челобитья и прошения в присутственные места. С начала XVIII в. земским дьячком долгое время был Мартьян Семенов, который в 1730, 1737, 1746-49 г.г. сидел и в старостах, а в 1754 г. стал выборным. Это был грамотный человек, опытный приказный из крестьян д. Бухарина. Сменявшие его земские дьячки⁴⁾ не имели такого почерка, как он, и не ладили с русским синтаксисом.

Для учета старост временно выбирались мирские „счетчики“, а для разверстки тягла—„окладчики“.

„Мирские люди“, собиравшиеся на сход в Бухаринскую Схожую Избу, были, повидимому, не все крестьяне вотчины. Сюда не ходили вдовы. Не было здесь и бобылей. Здесь были только дворохозяева, да и то не все: так из 86 дворохозяев вотчины по подворной описи⁵⁾ 1753 г. на сходе присутствует только 42 человека; из них только трех мы не можем уверенно назвать дворохозяевами, но за время с 1751-1753 г. в вотчине могли произойти, конечно, изменения. В схожую избу ходили „по повескам“. Явка была обязательна. Так в 1729 г. выборный Исай Тимофеев при схожей избе бил батожьем крестьянина Мартьяна Савельева якобы за то, что тот по повескам на сход не ходил⁶⁾. В 1736 г. он же жаловался на Федосея Лукьянова, что тот „по посылкам на сход не ходит“, и помещик указал: „взяв его, Федосея, в схожую избу и при собрании учинить ему штраф—бить плетьюми“⁷⁾.

Дела, которые решались в схожей избе, были разнообразны. Здесь происходили смена и выборы старост⁸⁾, их учет⁹⁾, выборы пятидесятников¹⁰⁾, окладчиков¹¹⁾ и др. должностных лиц. Выбранным давали приговор за руками: так в 1731 г. мирские люди в количестве 54 человек „выбрали и излюбили государя нашего крестьян в окладчики“ представителей 5 деревень

1) № 503, ср. 505. 2) № 421. 3) № 475. 4) Лука Исakov 1744 г., Иван Артемьев 1746 и 1747 г., Ларион Тимофеев 1747 г. и др. 5) №№ 518 и 516. 6) №№ 415, 437. 7) № 437. 8) № 471. 9) № 529, 489. 10) №№ 501, 503, 505. 11) №№ 288, 360.

в количестве 5 лиц, „для того что они люди добрые и богобоязные, что на кого надлежит на кого расположить по нашему мирскому приговору излишней земли“¹⁾. Здесь об'являлись боярские указы иногда присланным из Ростовской вотчины крестьянином, а чаще — выборным²⁾. Здесь выборные окладчики клали старосте и миру свой „оклад“ в письменной форме, исчисленный в алтынах, копейках и деньгах, а мир, в свою очередь, окладывал их, происходило „расположение пустовытвого тягла“, „поверстание тяглами и землю“ и „снятие с тягла“³⁾. Здесь мир выносил решение о неисправных плательщиках. Так в 1725 г. во схожей избе „приговорили старосте Кирилу Кирилову всякие подати Григорья Силина с четырех денег править без всякой пощалы“⁴⁾. Здесь обсуждался вопрос о сборе и доставке барского оброка. Так в 1745 г. приговорили: „в указе показано, что другую половину сто рублей прислать. И ныне упросили у старосты Луки Исакова и пятидесятников с товарищи, приговорили: ему старосте и пятидесятником с товарищи, собирать с нас, мирских людей, 50 рублей со всех с тягол и посылать господину, а в другой половине в 50 рублях посылать плакущую челобитную, что велия скудость. А ежели господа той последней половиной нас, сирот, не пожалует, прикажет прислать, то будем збирать, також, что не дослано, на старосту с товарищи (позовется) гневу или штраф или хода, то все наше мирское, во всем очищать“⁵⁾. Отсюда „староста, целовальники и все крестьяне“ иногда били челом помещику „пожаловать“ их оброком⁶⁾, рядили ходоков с челобитными в Москву, а также определяли, кому везти оброк и столовый запас и кому сопровождать обоз⁷⁾. Здесь также выбирали по требованию господина работников и условливались с ними относительно платы⁸⁾. В случае, если в Парфеньеве правили подати с вотчины, здесь выносили приговор об отбывании наказания: так в 1746 г. приговорили: „йти в Парфеньево по повсене от полкового двора. . Ити в Парфеньево выборному да старосте да целовальнику. А ежели потребуют в засетку, оставить в засетку целовальника до воскресенья, а в воскресенье переменить. А переменять бобылям: а первую неделю итти Василью Савичу, а другую (Трофиму) Егоровичу. А и впредь переменять им, бобылям“⁹⁾. В случае необходимости дать взятку в Парфеньевской Воеводской канцелярии выносился приговор и о размере приношения „в почесть“¹⁰⁾. Здесь же, как мы видели, намечали верстанников в рекруты, давали между ними жеребий и указывали, в каком порядке вести их в Галич и кому сопровождать. Во схожей избе писались „государю своему“ челобитные об обидах от соседей или от выборного и старосты. Писал их земский дьячек, и их запрещено было писать в других вотчинах¹¹⁾. Так в 1748 г. кр. д. Лепешкина Лука Терентьев бил челом Илье Ильичу на выборного, на которой помещик написал в резолюции: „писал челобитную ябедвическую, а не в нашей вотчине у земского, и за то с него взять на вотчинные и градские дела на расходы денег один рубль. Илья Мещеринов“. *Полета:* „штраф

1) № 360. 2) №№ 333, 345. 3) №№ 361, 387, 406, 407, 431, 434, 511. 4) № 302. 5) № 474, ср. 471, 491, 493, 501. 6) №№ 345, 331 и др. 7) №№ 475, 479, 487, 488, 490, 513. 8) №№ 496, 537. 9) № 486, ср. 478. 10) № 467. 11) № 532.

один рубль взят¹⁾). В случае, если челобитье было такого рода, что по нему можно было развести в вотчине, обиженному давался во схожей избе суд. Некоторые крестьяне, обходя, однако, первую инстанцию, обращались прямо к помещику. Так в 1729 г. мир бил челом И. И. Мещеринову на кр. Исака Иванова, который ходил к помещику „без доклада столовых и мирских людей“ и похвалялся: „даром де что господина нашего указ имеется, что без доклада выборному и боярину не ходить; я де и через указ господский ходил и без доклада, и мне де господин ничего не учинил“²⁾). Если жалоба была на выборного, то челобитье шло к помещику. Но и в том и в другом случае оно возвращалось в схожую избу „подписным“³⁾). Порядок судопроизводства во схожей избе был следующий: за столом сидели выборный, староста, целовальники и земский дьячек. Истец на миру бил челом „государю своему“, а во схожей избе подавал выборному челобитную с изложением обиды и просил „праведного рассуждения“. После этого староста и целовальники „сыскивали“ ответчика, а земский дьячек записывал его „скаску“. Если с какой-нибудь стороны истца или ответчика было указание на свидетеля, отбиралась скаска и от свидетеля. Если обе стороны ссылались на одних и тех же лиц, то скаски этих „общих ссылок“ решали дело, после чего суд выносил определенный приговор. Во схожей же избе мир иногда приговаривал виновных к наказанию: так 1726 г. мирские люди за ложное челобитье приговорили 2 крестьянам „дать поучение и за затейку, что выборной указ будто уничтоживал по мирскому приговору, им за ложь учин[ить] наказанье--бить батажьем“⁴⁾). Во схожей же избе обычно начинались все дела с соседями вотчины, по которым потом старосте приходилось ходить к властям в Парфеньев и в Галич. Так в 1726 г. крестьяне д. Митенина извещали словесно во схожей избе на кр. д. Пересторонино, поставивших вновь изгороду под самой их деревней, а не по межнику, и спрашивали: „о том как миром поволите: давать ли ставить?“⁵⁾). Мир в таких случаях делал выборному и старосте с товарищи указания, как действовать. Были и другие дела, разбиравшиеся на миру, как напр. досмотр земли, которую некоторые крестьяне вотчины „мечуг впусе“⁶⁾, о работе в праздники и „помочах“⁷⁾, об отлучившихся из вотчины крестьянах и т. п. Постановления схожей избы облекались в форму приговора. Для образца приведем один из ранних приговоров: „1725 году, ноября в 15 день вотчины государя своего Ильи Ивановича во схожей избе мирския люди... (следует поименный перечень 39 крестьян) приговорили старосте Кирилу Кирилову всякие подати Григория Силина с четырех денег править без всякой пощады. В том мы старосте Кирилу з Григория в правеже с четырех денег приговор дали. Писал по их велению порядной земской дьячек Мартьян Семенов—К сему приговору Луки[я] Савельев вместо мирских людей их прошением руку приложил“⁸⁾.

Таковы пережитки земского самоуправления в Галичской вотчине Мериновых в первой половине XVIII в., загнанного теперь в самый дальний

1) № 495. 2) № 532. 3) №№ 398, 399, 421, 437, 495. 4) № 397. 5) № 395, ср. 394, 470, 477, 480 и др. 6) № 299. 7) № 397. 8) № 392.

угол русской жизни. Как ни странно это проявление общественной самостоятельности среди полурабов, в начале второй половины XVIII в. оно здесь, повидимому, окончательно умирает.

Во второй половине XVIII в. культурный уровень крестьян постепенно понижается. Если в XVII веке было много крестьян, которые могли не только грамотно расписаться за себя и за других, но и написать отпись в приеме, полжмим, чешуйного оброку не хуже подьячего ¹⁾, если земский дьячек из крестьян вотчины пишет, как опытный приказный, то к половине XVIII в. число грамотных заметно убывает, почерки становятся корявее, а в изложении плохо соблюдаются правила согласования и подчинения слов. Морально „мир“ также принижается, что можно видеть из некоторых приговоров о взятках, заседании в Парфеньеве или о плакущей челобитной об оброке. Эта деморализация говорит о сгущающейся атмосфере рабства и несправедливости. Мирские власти также часто ведут себя недостойным образом. Власть выборного становится на место власти мира. Еще в 1720 г. кр. Тимофей Тимофеев бил челом на выборного Савина Савельева, что он, выборный, „напився пьян, бил его, Тимофея, смертным боем, и от тех де побой лежит ныне при смерти“ ²⁾. В 1729 г. кр. Мартьян Савельев жаловался на выборного Исаю Тимофеева и крестьянина Дариона Емельянова: „приходят они на сходы за твой боярский стол пьяные, и он, выборной, нападом своим меня, сироту твоего, безвинно своими руками бьет на смерть, а не на живот.. Я, сирота твой, от ево побой еле жив, и яровую пашню пособили пахать добрые люди“. Когда Мартьян заметил выборному, что господин приказал им ни на кого не нападать безвинно, то такие речи стали ему „грубы и бесполезны“. „А бил меня и посадил на чепь и, посадя на чепь, встал ногами своими на чепь и палочником бьет и велит хлестать смертно“. Когда мирские люди заметили выборному, что он чинит обиду и непорядком делает, выборный отметил: „никто де мне не указывая: я де сам судья и никого не слушаю“. „И бивши меня, сироту, рассказывает далее Мартьян, на цепи держал три дни и есть мне не приказал давать и сродников до меня не допускал, також и жену и детей моих не пушал же“. Словесно Мартьян жаловался, что выборный высылает его вон из вотчины. Хотя на суде во схожей избе Мартьян и принес повинную, что бил челом ложно, „а он, выборной, ногами не топтал и из рук палкой не бивал и из вотчины господина своего не высылывал..., а бил его за то, что он, Мартьян, на сход не пришел“, однако из дела остается впечатление, что такая повинная была вынужденная, а один из крестьян Петр Фомин отказался по этому делу дать выборному скаску, „понеже я, Петр, тебе супостат“ ³⁾. Власти вотчины были между собою в родстве. На этой почве было не мало злоупотреблений ⁴⁾. А в 1748 г., кр. Лука Терентьев доносил уже на выборного Луку Исакова: „а которые от вас, государей, имеютца пункты о поведении вотчинных дел, и он тех пунктов никогда и в руки не берет, а делает все

¹⁾ Из 34 грамотных рукоприкладчиков XVII в. положение которых нам известно, 25—крестьяне разных вотчин, 4—попы и дьячки, 3—парфеньевцы посадские люди, 1—«рейтарского строю» и 1—пушкарь. ²⁾ 354. ³⁾ №№ 413 и 415. ⁴⁾ №№ 399, 435, 456.

по своему. А что станут говорить мирские люди и пятидесятники, чтоб по подписным челобитным делал, и он сказал при всем мире, что я де их и в дело не ставлю. А ежели де на меня кому охота просить, меня никто не перетягнет... Вы де и всем миром хоша на стену скребитесь, меня не одолеете... и земской говорит: „наша де вся воля“ и пр. ¹⁾. Хотя эта челобитная и была признана ложной, и челобитчик в Москве был за нее наказан, однако в его жалобе чувствуется доля правды: год раньше в 1747 г. кр. Петр Гурьев бил челом за неправильности при наборе рекрут на того же выборного Луку Исакова, заставившего его однако платить 54 руб. за 36 оставшихся душ. Мир не протестовал против такой несправедливости: „а миром тому и рады: куды лехче, туды и клонятся“. Но и помещик не написал никакой резолюции для выборного и только расписался: „Илья Мещери-ков“. Из этого видно усиление произвола в вотчине и половине XVIII в., соответственно росту крепостного права и усилению дворянства. От 1750 г. мы имеем и первый документ о произвольном распоряжении помещика личностью крепостного: Илья Ильич Мещеринов велел 3 мальчиков-сирот вотчины по зиме привезти в Москву, очевидно, для увеличения своей дворни. Опекун одного мальчика Ивана, Филип Климов просил за своего племянника, указывая, что у того после отца остался дом и всякое хоромное строение и скот, и что он, Филип, с зятем своим будут мальчика кормить, поить и платить долги его отца. На это последовала резолюция: „Строенья ево продать, а долги платить. А землю тягловую отца ево взять ис платежа в мир. А оного малова безотговочно привезть, как в отписке писано“ ²⁾. 1751 годом помечен последний мирской приговор в нашем архиве, а в 1754 г. упоминается последний выборный Мартьян Семенов и только старосты подают еще скаски о ворах в воеводскую канцелярию и платят подушную до конца XVIII в. Архив Бухаринской схожей избы, который до тех пор шел год за годом, теперь обрывается. Неизвестны причины, почему в Бухарине умерли последние следы земского самоуправления. Едва ли это простая случайность, как распад вотчины или мало вероятный переход на барщину. К половине XVIII в. усиливается, в связи с дворцовыми переворотами, политическое значение дворянства, которое в 1762 г. получает грамоту о вольности, а в 1765 г. жалованную грамоту. В тоже время после ревизий 1723 и 1743 г. растет крепостное право и увеличивается бесправие крестьян, которые в 1767 г. лишаются, напр. права подавать прошения на высочайшее имя. При Екатерине А. И. Радищев говорит уже, что „крестьянин в законе мертв“. Вспышка Пугачевского бунта в 1773 г. на юго-востоке, дальние отголоски которого были и в Галичском уезде, ясно показывает, как душно стало крестьянину в помещичьей вотчине. При таких условиях мирское самоуправление стало явным недоразумением, и помещичий батог также съел пережитки его, как приказные учреждения Петровского времени окончательно уничтожили губные избы с их выборными губными старостами и сошными целовальниками.

1) № 495. 2) № 504.

Черты быта крестьян Галичской вотчины Мещериновых в XVII и первой половине XVIII века.

Нам осталось теперь извлечь из нашего архива те немногие черты быта вотчинных крестьян в XVII—XVIII в., которые скудно, но дают судные дела, доезды, досмотры, скаски, челобитья и немногочисленные частные акты.

Население нынешней Николоширской волости в XVII—XVIII в. отличалось таким же этнографическим однообразием, как и в наше время. Если в наше время оно кокает и имеет другие особенности в говоре, то также оно говорило и в XVII—XVIII в. В нашем архиве нет—нет да и проскользнут особенности местного говора: „Ксенефонтавица“¹⁾ „запечной мастер“²⁾ „в Галице“³⁾ „Котельнице“⁴⁾ „чепь“⁵⁾ „синница“⁶⁾ и под., роднящие его с населением Новгородского поморья. Одевалось это население в серые сермяжные домашние сукна, которыми платили и заделье помещику, холст домотканый и обувалось в лапти. Деревни вотчины были разбросаны на берегу реки Нейдохты, деревня Бараново стояла на берегу Ней, другие стояли вдали от воды. Среди деревень то и дело возникали починки превращавшиеся вскоре в деревни. Таковы: Лепешкин или Оладын, Своротилов, Зимнево, Хорлушин. В центре было село Никола Ширь с перковью Рождество Богородицы, место духовного единения вотчины и выделившихся из нее вотчин Водова, Змеова, впоследствии Карпова. В 1714 г. эта церковь была построена вновь деревянная по челобитью старосты Савы Корнилова и освящена.⁷⁾ В 1726 г. вместо деревянной церкви вотчина строила каменную, для чего возили из Солигалича бочками. Деревня представляла из себя ряд крестьянских дворов, состоявших из ряда строек: изб с „синницами“, „малыми хороминами“, житниц, бань. Последних было очень много в вотчине по сравнению, напр., с Нерехтским у. в то же время—в начале XVIII в. 25 бань на 31 двор. Крестьяне, как истые новгородцы, парились в них чуть не через день, как увидим ниже. Так как стройка была деревянная, то вотчину часто посещали пожары: так в 1693 г. деревнюшка Савы Корнилова „волею Божию сгорела“⁸⁾. В 1733 г. опять выгорело 7 человек,⁹⁾ а также мельница, посему старосте Евдокиму Никитину было отпущено по ярлыку р. Вохтомы от вальдмейстерских дел лесным надзирателем из заповедных лесов клену на мельничные потребности 50 дерев, соснового на хоромы и дворное строение 400 дерев толщиной 6 вершков.¹⁰⁾ За стройками тянулись гуменники с овинами, а за ним начиналась заполищная земля с изгородами. На горизонте синела кайма леса, царство белых грибов, груздей, рыжиков, малины по бурелому, которые собирались на столовый запас помещику, и где нетрудно было с корзиной грибов в руках набрести и на медведя. Основное занятие населения составляло сельское хозяйство. Сеяли, как и теперь, главным образом, рожь и овес, которыми и платили сборы. Техника земледелия была невысока—в начале XVIII в. пахали той же косулей, которая

1) № 149 1684 г. 2) № 173—1689 г. 3) № 379 1723 г. 4) № 488, 1746 г. 5) № 354. 6) 408. 7) Холмогоров. Галичская десятина с «пригороды». Костр. Епарх. Вед. 1891—95 г. г., в прилож. стр. 191—192. 8) № 200. 9) № 517. 10) № 519.

благополучно дошла и до XX века, при той же трехпольной системе, как и теперь. Кроме этого, в д. Баранове по р. Нее занимались еще рыболовством, в Ивашкове Бору и в других местах были бортовые ухажья. Однако на нашу мерку эти дополнительные промыслы не велись в широких размерах. С начала XVIII в. крестьяне вотчины стали уходить в отхожие промыслы. Как и многие промыслы, кормящие сейчас крестьянское население, отходничество в вотчине началось с правительственного принуждения. Еще в XVI в. население Галичского уезда, как и других уездов Московского государства, давало даточных на городовое и острожное дело ¹⁾ или, в случае незначительных размеров вотчины, уплачивало за эту повинность деньгами. Особенно широкие размеры приняла эта повинность в самом начале северной войны, когда брали по работнику от 12 с 13-го двора, а за остальные дворы платили деньгами. Крестьян вотчины отправляли „в строенье Волхову и Мсте“, „на Двину к городовому делу“, на год в армию, главным же образом на постройки в новой столице Санктпитебурхе, где они умирали от климата, голода и антисанитарных условий. Примеру правительства скоро последовали и помещики. После 1712 г. крестьянство вотчины под тяжестью войны дошло до полного обнищания, и многие крестьяне не в силах были платить помещичьего оброка. Неисправных плательщиков помещики и потребовали в свои подмосковные для работ. Уже в 1712 г. был отпущен возвратно из подмосковной 1 работник, который был там 4 недели ²⁾. Когда в 1714 г. 16 человек не заплатили оброка, Илья Ив. Мещеринов указал выбрать из них 7 человек и прислать к нему, а остальным помогать им дома во всякой работе. ³⁾ Раз начавшись, эта барщина не прекращалась. Работники должны были являться со своими инструментами: так в 1720 г. указано было выслать 20 человек не старых и не малолетних „с топорами и заступами“ ⁴⁾. В том же году—„с топорами и косами на лето до покрова“—6 человек—⁵⁾ В 1722 г. указано было выбрать плотников 20 человек „самых добрых и умеющих людей и чтоб у тех плотников было по топору, по долоту, по скобели, по бураву“ для строения дому в подмосковном. с. Часовне. ⁶⁾ Из этого видно, что галичские крестьяне особенно понравились не землекопными или полевыми работами, а своею плотничною работою, в которой они не знают соперников не только в России, но и во всем мире. Первоначально вытребованные работники работали на барском хлебе и харчах, но вскоре стали требовать, чтоб они были на крестьянском „коште“: уже в 1722 г. И. И. Мещеринов пишет: „чтоб те плотники брали с собою хлеба и всякого запаса, кроме проходу, на 2 месяца“ ⁷⁾ Дела в подмосковной однако хватило не надолго, и в 1720 г. пришлось отпустить пришедших 10 человек, взяв с них по рублю обратно. ⁸⁾ Все чаще и чаще натуральная повинность стала заменяться денежною: так в 1730 г. Татьяна Адриановна требует или 20 человек плотников или 100 руб., „для того что на Москве плотники весьма дороги“ ⁹⁾, а Василий Мещеринов вместо 15 человек—50 р. ¹⁰⁾

¹⁾ А. С. Лапнов-Давилевский, *op. cit.*, стр. 377—389. ²⁾ № 326. ³⁾ № 331. ⁴⁾ № 343. № 529. ⁵⁾ № 336. ⁶⁾ № 366. ⁷⁾ № 352. ⁸⁾ № 422. ⁹⁾ № 423.

Пришедшие в Москву крестьяне для содержания на своем коште, вероятно, должны были подрабатывать на стороне, а помещики, наверно, быстро сообразили, что от этой работы на стороне, при высоте заработной платы, они скорее и в большем размере могут получить оброк. Поэтому, хотя до середины XVIII в. не прекращалась натуральная плотничная повинность, и в схожей избе продолжали выбирать „по указу господина“ плотников, и рядиться с ними, ¹⁾ но около 1740 г. начался отход и в нашем смысле: в 1740 г. Илья Ильич Мещеринов писал: „отпущен к вам из Москвы крестьянин наш Иван Семенов, который был в Москве для прокормления своею работою“. ²⁾ В 1744 г., при второй ревизии, Вухаринская Схожая Изба не знала, что ей делать с отходниками в количестве 5 человек, которые отлучились „в прошлых годах“, а один из них „ушел в Москву и тому есть назать лет пять“ и после того „в дом свой не бывал и никакой от него ведомости не бывало“—писать ли их беглыми или мертвыми? ³⁾ В 1740 же году кр. Василий Благодарев был послан помещиком до Санкт - Петербурга. Жене его наказано было жить попрежнему „дом свой хранить, а крестьянам вотчины в обиду не давать ее никому и самим не изгонять“. ⁴⁾ В 1742 г. Василий Савинов живет уже „не вем в котором городе во отлучении“. ⁵⁾ В 1741 г. Илья Ильич взял впервые оброк с 3 крестьян — отходников в Москве и приказал вычесть уплаченную сумму из общего оклада вотчины. ⁶⁾ В половине XVIII в. отход из вотчины принимает широкие размеры. К главному побуждению отхода—уплатить боярский оброк — присоединяется новое—спастись на чужой стороне от рекрутчины: так в 1747 г. выборный дал рекрутам печатные пашпорты и отпустил в работу в российские города на 3 года. ⁷⁾ Поэтому освобождение на работу стало производиться не по усмотрению выборного, а „с мирского приговору“: так в 1748 г. „миром свободили отпустить работать в Казань“ 5 человек. ⁸⁾ В 1753 г. „по мирскому рассмотрению“ отпущено „с пашпортами на работу“ 16 человек и 2 без пашпорту, ⁹⁾ всего 18 человек. Центром, куда первоначально направлялся отход, была главным образом Москва: так „у Явзоски ворота на Вшивой горке в приходе Козьмы и Демьяна“ жило 6 человек крестьян вотчины. ¹⁰⁾ Другим центром отходничества с 1740 г. стал Петербург, позднее Казань, наконец Калуга, куда, правда, отходили крестьяне другой Галичской вотчины Мещериновых—д. Маркова. ¹¹⁾ Отходники освобождались в вотчине „за поруками“ в несколько человек, и им выдавались те печатные „пашпорты“, которые можно встретить в усадебных, вотчинных и монастырских архивах.

Отхожий промысел развился позднее. Большинство крестьян все-таки жили в вотчине, и интересы „мира“ занимали все их внимание. Мы уже имели случай говорить, что вотчина в XVII в. представляется краем, который как будто только еще колонизован, где самые названия селений

¹⁾ № 496 ст. 1748 г. ²⁾ № 449. ³⁾ №№ 466, 467, 476. ⁴⁾ № 448. ⁵⁾ № 456. ⁶⁾ № 452. ⁷⁾ № 494. ⁸⁾ № 497. ⁹⁾ № 515. ¹⁰⁾ № 559. ¹¹⁾ № 531. В Москве в XVIII в. было 13.000 населения, в Ярославле 8.000, в Калуге 6.000. Калуга была 3-м по населенности и богатству помещикам после Москвы.

еще неустойчивы, где среди старых „деревень“ еще возникают новые „починки“ и где нет точных границ земельных владений. На этой почве у крестьян вотчины Мещеринова происходили острые недоразумения с крестьянами соседних вотчин.

Колонизационная энергия Бухаринских крестьян создала в 1670-х г. г. 2 починка—один безымянный под починками Кириловым и Сысуевым, принадлежавшими крестьянам дьяка Домашнева и А. Мансурова, другой Лепешкин, Оладьино тож, на правой стороне речки Немдохты выше Сысуева. В 1678 г. начался спор за эти починки между крестьянами вотчины Мещеринова и крестьянами вотчины Домашнева и Мансурова. 21 августа по наказной памяти Галичского воеводы подъячий Галичской площади Тимофей Занин допрашивал парфеньевского посадского земского старосту и 6 парфеньевцев посадских людей, которые сказали: „то нам ведомо, что Алексеевы крестьяна Аврамова с Мещеринова на помесной земле помещика своево на починке Лепешкине, а Оладьино тож, на правой стороне реки Немдохты выше починка Сысуева—Подраменского яровой хлеб сеели и сено косили, и овин поставленье Алексеевых крестьян Мещеринова Кармилка Савастьянова с товарищи, а не на помесной земле дьяка Семена Филатова с Домашнева починка Кирилова и Сысуева. Яровой хлеб сняли и сено косили крестьян ево Исачка Петрова да Власка Данилова с товарищи“. 1) 25 и 28 августа были допрошены старосты вотчин Репнина, Стрешнева, Олферьева, Баклановского, Титова, Хитрово, Щербатовых, Черевина, попы „ц. Николая Чудотворца, что в Площади“: Родион, Семен и Сидор, которые показали то же самое. 2) 14 сентября того же года на спорные земли по наказу воеводы приезжали подъячий Галичской площади Ермилко Копосов, рассыльщики Микешка Горбунов и двое парфеньевских пушкарей. На досмотре и на розыску понятые были парфеньевский земский староста, двое парфеньевцев посадских людей и окольные люди крестьяне вотчин Репнина, Хитрово, Баклановского, Нетесева, Титова и Щербатова в количестве 11 человек, которые показали: „под починком Кириловым лесныя розчисти Алексеевых крестьян Мещеринова д. Митенина с деревнями. А розчищали они тое землю истари до починка Кирилова. И сошлась та земля с починками дьяка Семена Домашнева с. с Кириловым и с Сысоевым, Подраменское тож. А меж теми спорными землями меж и граней и никаких признаков нет. Да под починком Сысоевым, Подраменье тож, починок Лепешкин, Оладьино тож. А розчищали тот починок по правую сторону вверх речки Малыя Немдохты и прозванием Лепешкиным и Оладьиным прозвали истари ж Алексеевы крестьяня Мещеринова Корнилко Савастьянов с товарищи до починка Сысоева, Подраменье тож; и хлеб на той земле на починке Лепешкине ныне сеяли яровой и сено косили и овин поставили Алексеевы ж крестьяня Мещеринова Корнило Савастьянов с товарищи и лес секли вновь ныне они ж, Корнилко с товарищи.. А преж сего о том починке Лепешкине, Оладьино тож, к ним, окольным людям, дьяка от Семеновых

1) № 168. 2) № 169.

крестьян Домашнева и стряпчего от Алексеевых крестьян Мансурова спору и челобитья и явок письменных не бывало". 1) На основании этих „обысков“ в 1679 г. по грамоте из Поместного Приказу и по отказным книгам велено было крестьянам Ф. А. Мещеринова „владеть от земли починка Подраменского вверх по речке по Немдохте по правую сторону“. 2) Однако исход спора не удовлетворил крестьян Домашнева. В 1680 г. они „насильством своим“ поставили в Лепешкине 2 своих избы. Летом этого года они „по меже починков своих Кирилова да и Сысуева огород порубили и пожгли“ и стали пригораживать землю к себе в поля. Столкновение было далеко немирное: „с луками и с кольями и с бердышами, писали крестьяне Мещеринова в Галичскую Съезжую Избу: те дворы строят и скотом своим посеянную озимь вытоптали и вытравили же, и нас, сирот, через тот государя нашего починок в лес в уголье не пушают, бьют и из луков стреляют. А на том починке Лепешкине государя нашего крестьян жилых во шти дворех, и тех они разоряют. Да они ж.. похваляютца нас, сирот твоих, и на скотинишко наше всяким дурном“. 3) В 1686 г. по челобитью крестьян Мещеринова по приказу Парфеньевского воеводы в поместья Домашнева и Мансурова вновь ездил подъячий Парфеньевской Съезжей Избы Якушко Любимов и, взяв с собою понятых сторонних людей, досматривал „позженной изгороди от починка Кирилова до починка Сысуева“. По досмотру обнаружилось, что, действительно, „от починка Кирилова, зная, были проезжие ворота к деревне Бухарину, и те ворота срублены, и изгорода до починку Сысуева позжена и порублена. А в ином месте, зная, зжено ныне А изгорода поставлена вновь“. По скаске окольных людей изгорода была крестьян Домашнева и Мансурова от вотчины Мещеринова „от заполишной земли истари“, которые „проезжие ворота и старинную свою изгородь пожгли и порубили, а изгородь поставили вновь“ на земле д. Бухарина „и многую землю пригородили к своему полю“. 4). Чем окончилось это дело, остается неизвестным.

Не успел заглохнуть спор о земле с вотчинами Домашнева и Мансурова, как начался новый спор с крестьянами вотчины Змеова, с 1723 г. перешедшей к Карпову. В 1709 г. крестьянин д. Лепешкина Кирило Иевлев и починка Воротилова Емельян Ильин извещали старосту, ценовальников и мирских людей на крестьян починка Зимнева, которые „покидают землю, в пусто мечут к починку Веденихта Борисовича Змеова крестьянам“. Староста Сава Корнилов с товарищам и мирские люди должны были дойти для досмотра, при чем обнаружилось: „и у починка Зимнева и у починка Воротилова с починком Змеевы крестьяны была перегорода, и ту изгороду Змеевы крестьяне подернили и пожгли и выорали“. Видя, что спорной землей владеть одному Зимневу „не в мочь“, мирские люди поверстали ее ко всем 3 починкам—Зимневу, Лепешкину и Воротилову, „чтобы им, починошным крестьянем, за ту землю стоять вместе, чтобы Змеева крестьяне ей не завладели“, и постановили „по прежнему поставить изгорода“

1) № 128. 2) № 136. 3) № 136. 4) № 157.

с д. Пересторониним¹⁾. На этот раз дело не кончилось без крови. От 1723 г. мы имеем скаски „про убитое проколотое мертвое тело вотчины Ильи Ивановича Мещеринова д. Бухарина Савы Корнилова да поколотого же ево крестьянина Нефеда Артемьева починка Лепешкина“.²⁾ Допрошен был поп ц. Рождества Богородицы³⁾ Иван Кондратьев, который показал: „лежали они (поколотые) на земле помещика их Ильи Ивановича Мещеринова на полевой земле починка Лепешкина и починка Своротилова, и на досмотре тех поколотых крестьян Савы Корнилова и Нефеда Артемьева с подъячим, как их осматривать приезжал, он, поп Иван, был и видел, что они—Сава рогатиной проколот и бит, а Нефед проколот же. А кололи де тех крестьян Саву Корнилова до смерти, друга Нефеда Артемьева, вотчины господина Веденихта Борисова с. Змеова крестьяне д. Пересторонина“. Были допрошены крестьяне соседних вотчин,⁴⁾ всего 18 человек, которые показали то же самое, но с добавлением „А от починка Лепешкина до починка Своротилова земля вотчины Ильи Ивановича Мещеринова. А Змеовых крестьян земли промеж теми починками нет, и извеснова челобитья в той земле от них, Змеовых крестьян, не слышали“.⁵⁾ В том же 1723 г. староста вотчины Мещеринова подавал челобитье на старосту вотчины Карпова (б. Змеова) „в похвальных словах“: „в зарезании помещика ево ножом, крестьян человек 10 на земле помещика ево, на которой земле в прошлом 722 году оной Сава Перфильев заколол рогатиной до смерти помещика ево крестьянина Саву Корнилова, да Нефеда Артемьева в колотье же рогатиной едва оставил жива и ныне о том скорбит“.⁶⁾ В 1726 г. крестьянин д. Митенина целовальник Демид Титов с суседами во схожей избе извещали выборного, старосту и всех крестьян, что крестьяне д. Пересторонина „поставили вново под самой деревней Митениным по Митенинской земле изгороду, а не по межнику, а преж сего изгороды не бывало“ и спрашивал: „о том как миром поволите: давать ли ставить?“ Мирские люди сказали выборному и старосте с товарищи, „что новопоставленный... огород со своей земли снести и огородить не давать до указу (помещика) и до той д. Митенина всем миром доходить“. Из схожей избы мирские люди отправились в Митенино и там допросили стариков, из которых некоторые сказали, что это земля спорная („земля—сутяга“), однако митенинцы на ней лес рубили и пашню пахали. Приговорили: „той земли изгороду снести, что, без указу господина своего, Карпова крестьянам поставить огород дать не смеем“. Если пересторонинцы начнут „находить“ или по прежнему „смертоубийство чинить“, и „нам друг друга не выдавать“; если будет челобитье, по челобитью ездить, присылка—не выдавать и „держ всякая держать“.⁷⁾ В 1726 г. выборный Исай Тимофеев подал в Канцелярию Галичской провинции воеводского правления прошение на крестьян Карпова, которые успели уже на спорной земле поставить починок „Сивцов“ и после убийства Савы

1) № 299. 2) № 376. 3) № т. в. Николаи Ширя. 4) Мансурова, д. Студенца, Сыскина и Фролова, Бахтерешова, д. 1 альягина, Решина, д. Костылева, Стрешева, починок Спорного и Дорного, Фустова д. Замина, Уиковского д. Курьянова, Зыбина, д. Офонина, Хитрово, д. Савина и Княжова, Перелешина и Рылеева, села Великого. 5) № 376 6) № 386. 7) № 395.

Корнилова и 2 побитых до полусмерти „хвалятца тем же боем, от чего имеем опасение немалое“. 1) Окончания дела нет, так как, по словам выборного, „будет на них бить челом и искать впредь господин мой сам“.

Не успело кончиться дело с крестьянами вотчины Карпова, как с 1728 г. началось дело с крестьянами вотчины князей Петра и Сергея Ивановичей Репниных села Матвеева. В 1731 г. дворянин Ф. А. Мневский продал князьям Репниным пустоши Ивонино и Волково в волости Великой Пустыни за 100 р., 2) но продал чужую землю. В 1737 г. в прошении в Парфеньевскую Воеводскую Канцелярию староста Мартьян Семенов писал, что эти пустоши, а также и д. Дорофеево, починок Некрасин, две трети д. Титова и пустошь Кокорево, достались „по приданству и по сделкам за прежде бывшего помещика моего И. А. Мещеринова“. В прошлых давних годах крестьяне здесь померли, иные бежали и от того те деревни запустели. Крестьяне Мещериновых, за неотысканием крепостей, теми пустошами не владели, а владели крестьяне Ф. А. Водова д. Якимцева. Но уже в 1728 г. эти крепости сыскались. 3) В 1737 г. крестьяне д. Якимцева на д. Дорофееве еще „ржи и еровой пашни сеяли, например ржи с овин, ячмени овина с два“, но покос сняли уже крестьяне Мещериновых. Так как о показанном владении и о посеянии хлеба было подано явочное челобитье, то посеянный кр. Ф. А. Водова хлеб крестьяне Мещеринова сжали и поставили в окольной д. Малцове при свидетелях. Но крестьяне Водова „приехали в ту деревню Малцово, тот пожатый хлеб отбили и свезли на пустошь Боярское и сожгли, а иной сырмотолом перемолотили, также и сено крестьян Мещеринова, которое они скосили, таким же видом похитили. 4) В 1741 г. в январе повторилась та же история: крестьяне д. Зяблцова 8 стогов „сильною своею рукою свезли и караульщиков крестьян взяли под караул“. Крестьяне Репнина были допрашиваемы в Парфеньевской Воеводской Канцелярии и о свозе сена не запирались. В феврале сено велено было свезти кр. Мещеринова при солдате Иване Пузанове, „чтоб имеющаяся скотина не померла гладом“. Когда это сено везли, то выборный вотчины Репниных „то сено 54 воза с лошадьми воровски многолюдством в лесу и взяли крестьян с тем сеном привели в д. Горелец, и тех лошадей выпрягши, отдали крестьянам, а то сено с самми и ужищи оставили в той деревне у себя“. 5) Крестьяне Репниных ни крепостей в Парфеньевской Канцелярии не клали, ни в суд не шли: так когда в 1742 г. в с. Матвеево приехали 2 отставных солдата с наказом из воеводской канцелярии, то выборный Степан Числовской сказал им: „сам не еду, також старосты и никого взять не дам“ и „учинился силен“. 6) Дело окончилось в 1742 г. полюбовным договором между кн. П. Репниным и вотчимом И. И. Мещеринова брегадиром Дубасовым, которые решили поделить спорную землю пополам „при окольных людях и при священниках з запискою и с прикладыванием рук“, о чем они и сообщили каждый в свою вотчину. 7) Однако крестьяне не так

1) № 398. 2) № 425. 3) №№ 412, 430. 4) № 442. 5) № 454. 6) №№ 459, 460. 7) № 461, № 464.

скоро успокоились, как их помещики: в 1743 г. староста д. Бухарина с товарищи доходили до спорных пустошей, сходились с крестьянами Репниных и чинили договор, но „на том договоре любви не было, и разошлись“.¹⁾ Только в 1744 году старосте Луке Исакову удалось, повидимому, договориться.²⁾ Но после этого в 1748 г. крестьяне Мещеринова стали искать пустошь Кокорево, что повело, наверно, к новым столкновениям³⁾.

В 1744 г. в Бухаринскую Схожую Избу доносили, что „господина Водова и Змеова крестьяне ездют господина нашего в угоду и лес рубят, бревна и жерди вынимают и лучину рубят“, и мирские люди приговорили „их не пущать, и ежели они не послушают, и то у них отнимать топоры. А что у них там вынято, и то у них увести“.⁴⁾

Если были споры за землю с другими вотчинами, то были они и между отдельными деревнями вотчины Мещериновых. В 1713 г. крестьяне д. Якушева били челом И. И. Мещеринову на крестьян д. Митенина, „что де они, митенинцы, ходят к ним в д. Якушево и насильно владеют их пахотною землею, а их посылают в пустые жеребьи. Да они ж, митенинцы, ездят к ним в д. Якушево, ломают изгороду и в той городьбе им не помогают и жить к ним в деревню нейдут“. Илья Иванович указал „тое земли осмотреть и розвесть их вправду по мирскому приговору и огород им велеть починить“.⁵⁾

Земля, принадлежавшая вотчине, находилась в общинном владении с частыми переделами. Так в 1721 г. было „расположение пустовытного тягла“,⁶⁾ в 1724 г. „поверстание тяглами и землею“⁷⁾, в 1728 г.—вновь,⁸⁾ в 1734 г. снятие тягла и разложение на других крестьян,⁹⁾ в 1735 г. распределение тягол в починках Зимневе и Хохлушкине.¹⁰⁾ Эти переделы происходили обычно в июне—начале июля, т. е. перед посевом озимого, с промежутками в 3—4 года. Инициатива переделов исходила от мирских людей или группы их, а иногда они производились по приказу помещика. Так в 1742 г. „жители“ д. Зимнева и Хохлушкина били челом выборному и старосте с товарищи и всему миру „чтоб во всех деревнях и починках земель поверстатца“. Те дали приговор об обмере земли, „чтоб были все в равенстве“, но выборный приговора не исполнил, почему они в 1743 г. и просили А. Дубасова об обмере.¹¹⁾ Вот в каком порядке происходил передел в июне 1728 г. Мирские люди „выбрали и приговор дали“ 3 крестьянам, „что их поверстать тяглами и землею в сущей правде“. Прежде мир обложил окладчиков, а затем окладчики—мирских людей. Оклад высчитывался в алтынах, деньгах и копейках, из чего видно, что главной причиной поверстания в равенстве было желание платить подати поравну применительно к рабочей силе в семье. О произведенном распределении окладчики составили окладную, которую писал земский дьячек. „А по сей окладной вышеписанным мирским людям по их приговору, а по нашему рассмотрению, тяглами и землею верстатца ныне х пару, и впредь по сему

1) № 464. 2) № 468. 3) № 497. 4) № 470. 5) № 328. 6) № 361. 7) № 387. 8) № 406. 9) № 431. 10) № 434. 11) № 544.

нашему окладу платить им подушныя и боярской оброк с предбудущаго 1729 году, июля с 20 числа“, т. е. с Ильина дня. В июле окладчики „во схожую избу мирским людям оклад положили, и выборный и староста с товарищи сей оклад мирским людем читали, и мирские люди, выслушав, сказали, что быть по сему“. ¹⁾ Не обходилось без недовольства, без челобитий, но мир обычно вступался за оклад. Так в 1728 г. крестьянин Алексей Гаврилов с товарищи просили во схожей избе на окладчиков, обложивших их будто бы неправильно. Но мирские люди сказали, что обложили их „в сущей правде, и того окладу мы, мирские люди, не порочим и впредь платить будем“. ²⁾

Гораздо острее были конфликты между соседями в деревне на почве владения дворинною землею. От 1728—29 г. г. мы имеем большое дело кр. Кирила Емельянова с кр. Исаком Ивановым „в творильной земле“. Суть его следующая. В 1727 г. в починке Зимневе Исак Иванов разломал свою старую избу ради починки, подымал выборного с мирскими людьми, „чтоб размеряли творильную землю“, где ту избу ставить. По мере выборного и по заставке отца своего Исак „ту свою избу поставил“ и „всякие хоромишка приставил“ „и дворишко свое увил“. ³⁾ В 1728 г. в великом poste сосед Исака Кирило Емельянов положил Илье Ив. Мещеринову челобитную, что Исак поставил избу на его, Кирилову, землю. Помещик подписал „будет он, челобитчик, бьет челом сущей правдой, и оное строение по сему указу выборному и старосте с мирскими людьми осмотреть и велеть ту ево, челобитчикову, землю очистить, чтоб впредь о том челобитья не было“. В июне 1728 г. челобитчик и ответчик во схожей избе „выбрали из любви своей“ 14 человек для разбора дела: „и как они по указу разведут наши общия творила оныя мирския люди, так и быть“, о чем и дали на себя „письмо“ мирским людям ⁴⁾ Смеряв общие дворины, выборные нашли, что Исак „заставил суседа Кириловы земли во дворе в заднем конце сажень без локти, в переднем конце две сажени с локтем“, и сказали: „ежели они, Кирило и Исак, в той заставке меж себя не сделаютца полюбовно, и ему, Исаку, сделать по указу—землю очистить“, о чем и дали скаску выборному. ⁵⁾ 7 июня Исак и Кирило учинили между собою полюбовный договор: „и уступаю я, Кирило, ему, Исаку, той своей дворовой землею: избу и синницу ему, Исаку, не ломать и во дворе владеть по заставке; только мне, Кирилу, поставить, уступя на двор, подле Исаковы синницы хлев свой, который рядом стоит с тою синницей. А от того моего хлева ему, Исаку, ставить хоромы, какие ему угодно, с синнишнава прямо на избной. А я, Исак, за ту ево уступку и безотменно владеть тою землею даю ему Кирилу, денег 40 алтын, да в бане половина и паритца вместе по три дни в неделе“. ⁶⁾ Однако, несмотря на этот договор, Исак подал И. И. Мещеринову челобитную, в которой порочил развод выборных и просил запретить „ту его избу и другие хоромишка ломать“, а также „до своего милостиваго указу денег за то давать“. Челобитная вернулась во схожую избу с пометою: „будет он, челобитчик, бьет челом права, и тот

¹⁾ № 406. ²⁾ № 407, стр. 544. ³⁾ № 404. ⁴⁾ № 400. ⁵⁾ № 411. ⁶⁾ № 403.

двор строил по отводу по мере выборного и крестьян, и тот ево, челобитчиков, двор ныне не ломать до моего приезде к вам и денег с него, челобитчика, не брать сорока алтын до указа моего.“¹⁾ В свою очередь и Кирило жаловался на Исака, поставившего избу «своим озорничеством, без меры», отказывающегося ее сносить до указа помещика и платить 40 алтын по договору. На его челобитье помещик указал разобрать дело с мирскими людьми.²⁾ В июле 1728 г., выслушав челобитную Исака, выборный бил челом старосте, целовальникам и мирским людям, „чтоб против той Исаковой челобитной розыскать в сущей правде, для того что в ней написано ложно, и впредь бы от ево бездельных составов не пропасть“. Староста, целовальники и мирские люди указали, что на мере, как в 1727, так и в 1728 г., были 3 крестьянина „общие ссылки“. Последние подтвердили, что оба раза мера была одинакова. Выборный, в свою очередь, сообщил, что, когда Исака начал ставить свою избу, то пришел к нему с жалобой на Исака Кирило Емельянов. Выборный не пошел сам в Зимнево, а послал с Кирилом свою печать. Когда Кирило принес печать, он сказал Исаку: „выборный не велел тебе не по мере ставить“ и стал при помочанах печать отдавать. Исака ответил: „Я де насерю в печать и выборного не слушаю“. Тогда выборный послал печать вторично с Кирилом в сопровождении „из мира доброго человека“. Исака и на этот раз заявил: „я де выборного не слушаю и поставлю избу, как мне, Исаку, надобно“. Свидетели подтвердили обвинения выборного. За лживое челобитье Исака Иванова миром приговорили: „учинить жестокое наказание при схожей избе — бить батожем, а ныне свободить ради работного времени страдной поры. А землю по указу очистить или по полюбовному договору деньгами челобитчику отдать“.³⁾ Однако весной 1729 г. Кирило Емельянов вновь бил челом помещику на Исака, который за землю и за тесноту посулил ему 40 алтын и в задаток дал 2 гривны, а последние деньги и ныне не платит, и просил приказать или избу с баней снести или доплатить 1 рубль. В той же челобитной он жаловался: „в прошлом 728-м г. в осени он, Исака, на забор бревна возил по моему двору. И стал я, сирота, говорить, что ненадобно моего двора толочить и скотину мять. И он, Исака, за те мои слова выдернул из-за пояса топор и бил меня, сироту, не на живот, на смерть, и от тех ево побой лежал недель с пять и поныне хвораю“. На челобитной Мещеринов подписал: „за строение дать деньги по договору рубль, а увечье ево розыскать свидетелями, и указ о том будет прет(ь)“. На суде 23 февраля Исака Кирилу „при миру добивал челом, чтоб простил, и м ноги кланялся, и он, Кирило, ево Исака, в заимке ево, Кириловой, земли и в деньгах, что с него, Исака, рубля не брать, простил“. Исака обещал дать Кирилу „отмену“ „из одворья, что за гуменником“ и снести баню после яровой до назьмов. Обвинение в побоях при поставке забора также подтвердилось с подробностями... Ответчик опять „виною своею ему, Кирилу, кланялся и просил прощения и обещался, что впредь такой дерзости не буду делать, и многожды в ноги кланялся, и он, Кирило,

1) № 404. 2) 405. 3) № 408.

ево, Исака, в вине ево простил¹. Вскоре Кирило опять вынужден был жаловаться на Исака. На Фомине неделе шел Исак от д. Лепешкина, подошел к Кирилу к окошку, бранил всякими неподобными делами и говорил: „о которой де земле бил челом, и о той земле пойдешь или поедешь, и я де тебя изрежу в кусье—немного на мне сыщешь. И преж сего я тебя бил обухом—немного сискал“. Жена увела Исака в избу. Кирило после того пошел в баню париться. Исак из избы в окно начал кричать: „куды пошел? Я тебе, сукину сыну, дам“ и к той бане припустил за ним с рогатиной. Но жена опять „згребла“ и непустила Исака. Когда Кирило возвращался из бани, Исак опять грозил ему в окошко: „Ежели ты вор, сукин сын, по земле пойдешь или поедешь, то даром мне, что миром землю присудили, я никого не слушаю, и по той земле тебя, вора, в кусье изрежу“. Так как при этом свидетелей не было, то челобитье осталось без последствий¹). В июле 1729 года Кирило опять жаловался на Исака, что тот „отмены“ из одворья ему по договору не дает. Исак на допросе сказал: „за то я отмену не даю, что он в прошлом году заставил овинном во ржаном поле у волосы з головы одворья, и прикажите те полосы смерять“, после чего „изо схожей избы незнаемо чего ради, бежал“²). В августе новое челобитье Кирила по поводу „отмены“: когда целовальники с мирскими людьми приходили ради меры полос, то Исак „в то число не прекословил. И как они, целовальники, отмеря, домовь ушли, и он, Исак, ту землю заборонил, а ныне он, Исак, ту землю и засеял“. Исак же грозил: „Ежели ты станешь сеять, и ты заду не уволочешь“. Кирило просил взять Исака на поруки, чтобы он „по повадке своей надо бной чего не учинил“, и доправить рубль³). Рубль был доправлен, но Исак жаловался помещику на выборного, что тот доправил с него рубль „не знамо за что“, „разоряет напрасно“ и даже „весь мир зорит“. И. И. Мещеринов на челобитной написал: „учинить во схожей вам, крестьяном, схот и сей указ объявить: того ради будет сей челобитчик бил челом нам по сущей правде, и ему, челобитчику, взятые деньги ево, челобитчиковы, рубль у выборного взять и отдать ему, челобитчику, с роспискою, также будет у него, челобитчика, изба ево поставлена на старом владенье, и землю отдать ево, и той избе велеть быть, где поставлена ныне“⁴). Мир напомнил, что Кирило простил Исака в рубле и все перипетии дела⁵). Окончания дела нет, но, повидимому, Исак его выиграл.

Подобные споры, повидимому, возникали нередко. Так в 1736 г. кр. Никита Агафонов бил челом на соседа по Митенину Петра Гурьева, что тот „заставился овинном на ево земле“. Последний писал помещику, что „овин поставлен по старой мере, как преж сего мера была“, и слался „на старых мужей, которые на мере были“⁶). От 1736 же года имеется дело по челобитью крестьян д. Бараново в обиде на крестьян г. Конищева „в дворовой заставке и в съезде двора“. Опять бурмистр и староста с товарищи доходили до Баранова, вызывали крестьян Конищева к совету и учинили серед-

1) № 408. 2) № 416. 3) № 417. 4) № 420. 5) № 419. 6) № 446.

нюю улицу, но до вечера размерить не могли, предоставив мерять самим спорившим¹⁾.

Другое дело, которое иногда выходило из компетенции вотчинного суда и доходило до властей в Парфеньеве, это — воровство. Но так как судные дела у приказных требовали расходов „в почесть“, то крестьяне предпочитали кончать их миром. В 1678 г. в ночь на 5 августа кр. Мещеринова Ефремко Григорьев покрал из житницы у кр. вотчины Репнина Василья Замятнина. Было подано челобитье в Парфеньеве губному старосте. Но Замятнин помирился с вотчиной Мещеринова — „живота своего пропашного ево, Ефремкова, повитье взял платье и серебряную казну все сполна“ и обязался больше не бить челом²⁾. В 1732 г. вешнею порою кр. Алексей Исаков д. Якушева „пьяным делом“ сколотил с косули лемех и чертец у крестьянина д. Якимцева Антропа Акулова. В уносе он был изобличен, и по приводе в Парфеньев в воеводскую канцелярию в лемехе и черце винился. Подано было явочное челобитье. Но поговоря полюбовно с изобличенным вором, выборный вотчины Водова „означенный лемех и чертец возвратно принял“, обязался против него не искать и дал ему на себя письмо за рукою попа Феофана Сидорова³⁾. Однако в воеводской канцелярии дело шло своим порядком. Управитель Бартенева приговорил виновному „учинить наказание — вместо кнута бить батожем при собрании народа нещадно, дабы, на то смотря, другим воровать было не повадно“. Но по разным смягчающим обстоятельствам, А. Исаков был освобожден из-под караула, а батоги были присуждены выборному вотчины Водова, „того ради, что он, не окончив того татебного дела, с ним, вором А. Исаковым, помирился собою“, дав ему на себя письмо. На попа ц. Николая Чудотворца, что в Шири, Феофана Сидорова о своеручном письме постановлено послать в синодальную духовных дел канцелярию промеморию⁴⁾.

Около 1735 г. кр. д. Зимнева Федосей Лукьянов жаловался помещику на старосту Луня Савельева: когда тот пришел в дом его „для осмотру улишного хлеба“ без мирских людей и целовальников, „и в то число пропало у него из житницы собственных ево денег 6 рублей“. Врегадир Дубасов указал „оного челобитчика привести его к присяге во святую церковь и велеть ему при священнике присягнуть ко святому евангелию и к животворящему кресту, что подлинно у него пропали такие деньги. И будет он в том присягнет в сущей правде, то такие показанные деньги велеть взять на оном Луне Савельеве и на товарищах ево и отдать оному челобитчику“⁵⁾.

В 1751 г. кр. Мелентий Ермолаев был отведен в воеводскую канцелярию „к объявлению в воровстве лотки ево у церковника Ефремовского дьячка“. Миром приговорили его вынять в вотчину по-прежнему во крестьянство⁶⁾.

С 1744 г. старосты вотчины подают в воеводскую канцелярию скаски „о ворах, разбойниках и прочих причинных людях“⁷⁾.

1) № 438. 2) № 106. 3) № 428. 4) № 430. 5) № 435. 6) № 500. 7) №№ 465, 499, 520, 521.

Шесть дней в неделю крестьяне работали. В особенности тяжело было лето— „страдная пора“, когда их не тревожили ни подушной, ни боярским оброком. Работали многие, видимо, и в праздники¹⁾. После напряженного труда праздники превращались в пьяную гульбу со ссорами, драками, несчастными случаями и даже убийствами. В 1705 г. в Николин день 9 мая в вотчине А. Мансурова в д. Старом учинилась ссора, а в той ссоре была драка у кр. д. Дальково Тимофея Григорьева вотчины кн. Щербатова с кр. д. Ивунина вотчины И. Фамендина Кирилом Васильевым с товарищи. 10 мая поутру рано обнаружилось мертвое тело Тимофея на земле у дер. Старова за сторожей крестьян вотчины Щербатова. В убийстве пойманы были крестьяне д. Городища Семен и Алексей Федоровы²⁾.

В 1727 г. на маслянице кр. Иван Финогенов был в гостях у кр. Василья Савельева, куда пришла и Анна Мартьянова, жена выборного, с зятем своим Михайлом. И. Финогенов попрекнул ее, что в 1719 г. выборный выдал дочь свою Евдокию Савинову в чужую вотчину, „а выводных к помещику не посылавал“, без отпуска: когда первый муж умер, она вышла вторично „по такому ж виду, что и за первого мужа, бес отпускных“. За это А. Мартьянова велела зятю своему бить И. Финогенова не на живот, на смерть, и тот бил, и если б не другие добрые люди, то убил бы совсем; от побой он лежал недели с три³⁾.

В 1729 г. кр. д. Сыскина, вотчины г. Севолоцкого, Сергей Макаров во схожей избе просил у столовых и мирских людей „праведного разсуждения“ с 3 крестьянами д. Лепешкина, которых он обвинял „в бою и в гоньбе“: на Светлой неделе гостил он в д. Лепешкине у жителя, пил пиво и вино и, погостя, пошел домой. Ответчики вышли на улицу, сгребли поленья и били его, так что он от них едва ушел. Но они за ним с поленьем и в поле гнались, но от бою и гоньбы спасли его посторонние крестьяне. По показаньям же ответчиков дело было так: кр. Лука Терентьев сидел на поварне с другими крестьянами вотчины, пришел и Степан Исаков. У Луки в руках была шахматница. Степан ее из рук вышиб и бил Луку по лицу и по голове. Видя его очень пьяным, Лука отступился. Тогда Степан начал с другими вздорить, и его с двора свели. Через полчаса прибегают сын его Иван Степанов и внук Сергей Макаров, бранятся, весьма дерзостно поступают и „мечютца дратца“. Видя их „больно пьяных и таковых глупых“, десятские стали их посылать с поварни и „по тому ж образу“ с двора свели, но ничем не били, не бранили, а тем более с поленьями не гнались. И истец и ответчики ссылались на одних и тех же свидетелей⁴⁾.

В 1745 г. кр. Илья Лунеев о празднике был в д. Баранове в дому у кр. Василья Силина. Туда же приехал сосед его Стафий Фокин, с которым у них был спор о земле. Стафий покори́л Илью „неподобными словами“, „что де ты не одну бабу убил“. Пятидесятник велел Илью вывести вон⁵⁾.

1) № 397. 2) № 270. 3) № 399. 4) № 421. 5) № 473.

От половины XVIII в. мы имеем недатированное письмо „Никольского священника Иоанна“ „священноиерею Деомиду Козьмичу“, написанное пьяною рукою, в котором первый сообщает: „сего текущего месяца декабря 6 числа и седьмого, бывши в приходе моем в д. Башерове у кр. Ивана Иванова, приходу твоего д. Барбина крестьянин Спиридон Семенов пришел в дом ко означенному крестьянину Исаку гоститца у ево в доме, вышел на мост для телесной нужды и так упал с мосту на двор и убился весьма бесчеловечно, на которое я у означенного крестьянина Иванова в доме был и всячески домогался от него слов, и он мне ничего не проговорил, а был весьма безмолвен и всямо (sic) болен от удару“¹⁾.

Женщина в нашем архиве не играет никакой роли в жизни крестьянского мира. В случае выхода замуж, помещику платили „кунишные деньги“. Размер вывода был в 1727 г. 2 рубля и 2 пуда меду²⁾. В случае, если крестьянин женился в чужой вотчине, староста той вотчины присылал в вотчину Мещеринова письмо, а несколько позже давал отпускную³⁾. Брак заключался „судом Божиим и сватним зговором“ с соблюдением определенных обычаев. В 1751 г. кр. д. Лепешкина Клим Кирилов стоворил дочь свою девку за кр. вотчины Фамендина, „и оной крестьянин и обед учинил, а Клим Кирилов дому и жениха смотрел и хлеба ел, а девки и не дал за то, якобы место не показалось“. Кр. Фамендина бил челом на Клина в бесчестье и за обед просил с него денег трех рублей⁴⁾.

В конце XVII—начале XVIII века крестьянин еще не был лишен гражданских прав и выступает контрагентом в частных актах. Так в 1678 году сторож Галицкой Съезжей Избы Яков Савельев дал росписку кр. вотчины Михайлу Павлову с товарищи в получении денег по заемной памяти⁵⁾. В 1699 г. кр. Сташка Дорофиев дал заемную память кр. стольника Ив. Ив. Траханиотова Сидору Елфимову в осмине ржи⁶⁾. В 1712 г. вольные люди Раскоскины взяли у девки Маремьяны 10 рублей денег, за которые обязались „жить у нее по смерть“⁷⁾. В 1712 же году кр. Викулай Григорьев с товарищи дали заемную память тому же Сидору Елфимову в 40 алтынях без гривны⁸⁾, а в 1715 г. кр. Григорий Аникин с товарищи ему же в 40 же алтынях⁹⁾. Заемные памяти написаны по обычной форме того времени. От более позднего времени (1741 г.) имеется лишь „письмо“ кр. Селиверста Гаврилова в доставке одиннадцатерых саней с „ужищи“ без „болковен“¹⁰⁾. Умирая крестьянин оставлял иногда духовную. Так в 1736 г. кр. д. Митенина Ив. Гурьев принял в тягло племянника Викулая Савинова „и духовную написал, что ему, Викулаю, владети, а жене ево в ту землю не вступать“¹¹⁾. В 1747 г. кр. Мартьян Климов, умирая, дал „письмо“ о своих долгах, которое было записано земским дьячком¹²⁾. Брату своему Филипу Мартьян благословил дом свой, землю и детей, но помещик „духовную запретил“ и велел разобрать дело выборному с миром. Мир взял подписку с Филипа и зятя его Ивана—„за землю и хоромное строение и детей и внука до воз-

1) № 548. 2) № 399. 3) № 440, ср. 511. 4) № 511. 5) № 127. 6) № 223. 7) № 315.
8) № 322. 9) № 388. 10) № 453. 11) № 446. 12) № 492.

расту поить и кормить и держать честно“, отца долги платить из ево, Мартьянова, пожитку, „такж и всякия с тоя земли подати платить бездомочно“¹⁾). Земля, однако, в 1750 г. отошла к другому крестьянину, а сын: Мартьяна, как мы знаем, был взят в Москву к помещику.

... Русская историческая литература о крестьянине²⁾ небогата... При этом исторические работы о русском крестьянстве носят слишком общий схематический характер. Изучение истории народной массы требует и привлечения массового материала по разным районам.

С этими мыслями мы и приступили к своей работе, не задаваясь пока другими целями, кроме по возможности краткого, но точного изложения архивного материала³⁾.

Вотчина Мещериновых в Галичском уезде была слишком мелка. Но как в капле воды также отражается солнце, так и в жизни маленькой вотчины отражаются общие социальные явления общерусской жизни. Оглядываясь на добытый и изложенный материал, мы должны сознаться, что он немного дает нового, если не считать мелких штрихов, имеющих главным образом местное значение, по сравнению с тем, что известно из соответствующей специальной литературы⁴⁾. Только общие схематические построения наполняются у нас конкретным содержанием по определенному географическому району. В проверке общих научно-исторических построений на конкретном материале мы и видим оправдание затраченного труда по разборке, описанию и изучению содержания архива Бухаринской Схожей Избы.

Ф. Рязановский.

Кострома, 3 июля 1924 г.

¹⁾ №№ 506 540. ²⁾ См. ст. «Крестьяне» в словаре Брокгауз-Ефрон, «Великая Реформа» т. 1, предисловие. ³⁾ Обилие цитат объясняется неопубликованностью материала, который, хотя бы в такой форме, вливается в научный оборот. ⁴⁾ См. Готье Ю. В. Крестьяне в XVII ст. «Великая Реформа», т. 1, стр. 14-36; Пичета В. И. Помещичьи крестьяне в Великороссии в XVIII в. Там же, т. 2, стр. 1-24.

Замеченные опечатки.

Страница:	Строка сверху:	Напечатано:	Следует читать:
10	33	Томосова	Томосова
11	51	колова	голова
16	17 и 18	полтретинка	полтретника
17	5	приход	Приказ
17	8	сотные	сошные
17	28	белий	белый
17	31	145 ч., а на 146 ч	145 год, а на 146 г.
19	17	ухотей	ухожей
19	42	Коробенка	Коробелина
21	25	складне	складке
21	30	дополину	дополнку
22	26	на те	на нее
23	43	х канайному	х канатному
28	41	правством	правежом
30	14	Веленбат	Веленбаш
30	Прим. 2	Червин	Черевин
34	20	от пскаровка	от понаровки
36	31	не замошгав	не замотчав
38	38	наприслать	наказано прислать
38	39	Лукею	Лунею
40	26	служители Исаю Андрею ву приказано	служителю Исаю Андрееву
43	27	повсене	повеске
44	40	Лукин	Луний
47	23	из Солигалича бочками	Из Солигалича известь бочками.